

ЧАСТЬ I. ВОЖДИ И ВОЖДЕСТВА

Н.Н. Крадин

Вождество: современное состояние и проблемы изучения

I

В настоящей статье ставится задача познакомить отечественных специалистов с современным состоянием разработки концепции вождества. За рубежом эта концепция очень популярна, но было бы наивным полагать, что в одной статье можно охватить все аспекты этой поистине безграничной проблематики. Поэтому я счел разумным уделить внимание только некоторым, наиболее важным, с моей точки зрения, сторонам проблемы изучения вождеств, таким, как: содержание понятия «вождество», место вождества в ряду других этапов потестарно-политической эволюции, типология вождеств, некоторые аспекты структуры власти в вождествах, археологические критерии определения вождества, различия между вождеством и государством.

Термином «чифдом» (chiefdom), или в русском переводе «вождеством», в научной литературе обозначается такой тип социально-политической организации, который упрощенно можно охарактеризовать следующим образом: это социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редистрибутивную, судебно-медиативную и религиозно-культурную деятельность общества. Первоначально термин использовался для обозначения только социополитической организации, но сейчас им нередко пользуются и в более широком смысле для обозначения позднепервобытного, предклассового общества в целом.

Теория вождества принадлежит к числу наиболее фундаментальных достижений западной политантропологии. В рамках неэволюционистской схемы уровней социальной инте-

грации (локальная группа — община — вождество — раннее государство — национальное государство) вождество занимает среднюю ступень. Однако, как заметил Р.Карнейро, вождество стало первым в истории человечества опытом введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин. Это был принципиальный шаг в эволюции социальной организации, и последующее возникновение государства и империи явилось лишь количественными изменениями в ней [87; 88].

История открытия и последующего развития теории вождества была подробно освещена в зарубежной [88; 125; 220] и отечественной [14; 15] литературе. Особенно ценен в этом отношении блестящий обзор Т.Орла [119], в котором отреферировано около 250 исследований по данной проблематике. В то же время следует отметить, что наиболее фундаментальные стороны теории вождества были сформулированы в трудах Э.Сервиса [210 — 212].

Конечно, даже на Западе далеко не все приняли теорию вождества, как, впрочем, и всю неэволюционистскую схему в целом [131; 114; 133; 234 и др.]. Такой крупный специалист в области изучения доиндустриальных обществ, как А.Саутхолл, полагает, что термин «вождь» слишком многозначен и поэтому концепция вождества в целом мало дает для теории первобытности. По его мнению, термины «лидер» и «лидерство» содержательно менее загружены [218]. Но, несмотря на критику, идея выделения в истории поздней первобытности иерархических структур была правильной и необходимой, и основные положения концепции возникали вновь, хотя и под другими названиями [131; 206].

После того как исследования Э.Сервиса в целом были положительно встречены западной научной общественностью, стал пересматриваться подход к многим конкретным позднепервобытным обществам. И если до 60-х годов археологи и этнологи нередко описывали потестарную структуру изучаемых сообществ с помощью термина «племя» и производных от него, то после выхода и осмысления работ Э.Сервиса на местах бывших племен то тут, то там стали «обнаруживать» вождества. По словам одного из видных лидеров «процессуальной археологии» К. Ренфрю, эта концепция на Западе стала «очень модной» [196].

Среди исследователей-марксистов эти идеи до рубежа 70— 80-х годов не получили существенного отклика. Долгое время развитие позднепервобытных обществ в марксистской археологии и этнологии было принято рассматривать по Ф.Энгельсу в рамках концепции военной демократии [1; 149;

123; 143; 34 и др.]. Однако такая весьма идеализированная модель предгосударственного общества не могла адекватно отобразить конкретное многообразие исторического процесса, и это привело к тому, что со временем под термином «военная демократия» исследователи стали понимать совершенно разные, подчас несопоставимые явления. В конечном счете примерно с начала 70-х годов получила распространение точка зрения, что военная демократия в классическом (по Л.Моргану и Ф.Энгельсу) виде непосредственно не предшествовала государственности, а сменялась другими предгосударственными формами, когда большинство населения уже было отстранено от управления обществом, но еще отсутствовали эксплуатация, классы и политическая организация [73; 74; 17; 18; 31; 47; 2 и др.].

По существу это означало, что марксистские исследователи самостоятельно пришли к открытию феномена вождества. Но только в 1979 г. А.М.Хазанов предложил использовать для характеристики данного типа обществ термин «вождество» — перевод английского слова *chiefdom* [75].

Несколько позже Л.С. Васильев подробно ознакомил отечественных специалистов с сутью данной концепции [14; 15], применив ее впоследствии в своих работах по теории возникновения дальневосточной государственности и к истории Востока в целом [16 — 19]. К концу 80-х годов многие отечественные ученые уже использовали в своих исследованиях термин «вождество», или «чифдом» [7; 8; 12; 13; 20; 21; 31 — 33; 35 — 37; 40 — 45; 47; 55; 58; 59; 65; 66; 69; 77; 78]; он нашел отражение в учебной и справочной литературе [62 — 64; 2]. Однако в целом вклад отечественных исследователей в разработку теории вождества еще незначителен.

Современные представления об основных характеристиках вождеств базируются на гигантском количестве этнографического материала, собранного исследователями практически во всех частях света (за исключением, пожалуй, Европы). Этот поистине громадный массив данных был использован при интерпретации результатов археологических раскопок в различных регионах мира, что позволило еще на один шаг приблизиться к постижению сути и направления эволюции архаических обществ. Поскольку вопрос о конкретно-исторических исследованиях вождеств во много раз объемнее и без того обширной задачи, поставленной в данной статье, при рассмотрении региональных исследований я ограничусь только несколькими специально отобранными для этого примерами.

Наибольшую информацию для изучения вождеств можно получить, сочетая археологические и этнографические мате-

риалы. В этом плане уникальными являются данные по первобытнообщинному прошлому Океании. Европейские мореплаватели, торговцы и путешественники XVIII — XIX вв. могли действительно увидеть настоящие вождества, и их записки и сочинения стали основой для последующих поколений профессиональных исследователей. Практически все принципиальные положения теории вождества были изучены и сформулированы на основе материалов Пацифики [171; 172; 210—212; 170; 115; 120; 133; 104; 105; 224; 97; 233 и др.], хотя сейчас все чаще и чаще высказываются мнения о необходимости осторожного использования океанийских данных в глобальных исторических построениях. В XX в. массовые археологические исследования позволили дополнить уже созданную картину исторического прошлого Океании и дали возможность представить динамику исторического развития предклассовых обществ на протяжении столетий [9; 162—164 и др.].

Перспективными с точки зрения изучения вождества являются Центральная и Южная Америка. Планомерные этнографические [223; 85 — 87; 147; 148; 200; 110; 111; 90 и др.] и археологические [93; 170; 112; 113; 108; 106; 182; 122; 144; 207; 217; 219 и др.] исследования позволили проверить основные положения теории вождества на континентальных материалах, дали дополнительные данные в отношении таких важных сторон теории, как роль в эволюции вождеств внешней торговли и войны, археологические критерии отличия вождества от государства.

Северная Америка также дает хорошие возможности для осуществления археологическо-этноисторического синтеза в данном вопросе. Американская социальная антропология имеет давние солидные традиции. Археологические исследования на территории США проводятся на больших площадях, на самом современном методическом уровне. Особенно интересны в этом плане: самое первое вождество, изученное на территории США, — Паверти Пойнт (общество охотников-собирателей середины II тысячелетия до н.э.) [135]; иерархические системы расселения, позволяющие смоделировать на их основе торговые, редиистрибутивные и даннические сети коммуникаций в бассейне Миссисипи в I тысячелетии н.э. [125; 150; 168; 175; 181; 185; 222; 239 и др.]; многоуровневые системы поселений на юго-западе США рубежа I и II тысячелетий с крупными церемониальными комплексами, ирригацией, развитой дорожной системой [91; 169; 145 и др.]; общества высокоразвитых рыбаков северо-западного побережья [113;

227; 228], хотя в отношении последних высказываются сомнения по поводу отнесения их к стадии вождеств [153]. Европейская первобытность лишена этнографической базы. Однако это компенсируется прекрасной археологической изученностью континента (в данном отношении только Япония, возможно, может конкурировать со Старым Светом), что позволяет подробно и в деталях проследить различные варианты динамики эволюции вождеств на протяжении нескольких тысячелетий [83; 91; 107; 130; 138; 165 — 168; 186; 192; 193; 195 — 198; 202; 208; 214; 240 и др.]. Вкратце суть этих процессов может быть сведена к следующему: первые вождества появились в Европе в V тысячелетии до н.э. — в период перехода от неолита к энеолиту. Ранние вождества характеризуются двухуровневой иерархией поселений (центр и его округа), стратификацией в захоронениях, мегалитическим строительством и наличием специальных церемониальных сооружений или площадок. История этого периода хорошо документирована масштабными археологическими исследованиями на территории Балкан, Восточной и Центральной Европы, Средиземноморья, Британии. В эпоху бронзового века процессы развития вождеств продолжают в Юго-Восточной Европе (Средиземноморье, Балканы), Британии, Дании. К уже известным центрам добавляются Пиренеи, Северо-Западный Кавказ. Для этого периода характерны дальнейший рост численности населения вождеств, возрастание глубины их иерархии, строительство сложных могильных комплексов, храмов и святилищ, фортификационных и ирригационных сооружений, формирование центров металлургии под контролем вождей, развитие сложных сетей торговых, престижных и иных связей. Такие процессы продолжались до наступления железного века. В середине 1 тысячелетия до н.э. произошел ряд принципиальных, по-настоящему еще не осмысленных изменений (так называемая «вторичная эгалитаризация» [38]), в результате чего в Европе был сделан шаг назад от вождества к более эгалитарным милитаризованным общественным структурам, исчезли крупные поселения, а вместо них возникла иная система расселения, состоявшая из небольших поселений, возглавлявшихся, возможно, военными вождями. Феномен «вторичной эгалитаризации» показывает, что даже в континентальном масштабе эволюция от безгосударственных обществ к государственным демонстрирует не только прямолинейное прогрессивное развитие, но и зигзаги и отступления, но это уже тема отдельного самостоятельного исследования.

II

Если суммировать различные точки зрения, выдвигавшиеся в мировой науке в разные годы различными авторами на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации:

1) вождество — это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации [203; 204; 210 — 212; 85; 87; 88; 81; 82; 238; 129; 196; 198; 192; 116; 119; 154; 28; 103; 153; 104; 105; 99; 163; 221; 227], сравнительно большой численностью населения и сплочением трудовых ресурсов [196; 198];

2) в вождестве существовали иерархическая система принятия решений и институты контроля [203; 210 — 212; 129; 198; 116; 99; 88; 153], но отсутствовала узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы [212; 131; 81; 98; 99];

3) в вождестве имелась четкая социальная стратификация, зарождались тенденции к выделению эндогамной элиты в замкнутое сословие [203; 204; 210 — 212; 129; 196; 116; 119; 153; 98; 99; 140; 163; 227];

4) важную роль в экономике играла редистрибуция — перераспределение прибавочного продукта по вертикали [203; 210 — 212; 85; 198; 191; 227];

5) вождество как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами [210 — 212; 99; 227];

6) правитель вождества имел ограниченные полномочия (см., например: [101]), а вождество в целом являлось структурой, не способной противостоять распаду общества [101 — 103; 99];

7) верховная власть в вождестве носила сакрализованный, теократический характер [210 — 212; 129; 101; 102; 98; 90].

Отечественные исследователи поддерживают выделение в качестве основных критериев вождества следующие показатели:

а) централизованная структура управления [15; 17; 40; 62; 63];

б) стратификация и дифференциация культуры на элитарную и народную [75; 14 — 16; 32; 33; 78; 40; 62; 2];

в) зародышевые органы иерархической власти [75; 15; 16; 40; 62; 631];

г) редистрибутивная система [75];

д) общая идеология и ритуалы [40];

е) отсутствие монополии на узаконенное применение силы [15; 40];

ж) большая численность населения [2];

з) теократический характер верховной власти [15; 17]. Некоторые отечественные авторы критически отнеслись к включению последнего пункта в число обязательных признаков вождества [75; 62; 47]. В то же время наши специалисты предложили дополнительно следующие критерии вождеств:

I) наличие в вождестве далеко зашедшего разделения труда [15; 17; 32; 33];

II) отстранение от непосредственного управления основных масс производителей [74; 75; 15; 17; 32; 33; 2; 43; 44; 8; 66];

III) наличие протогородов [32]. Суммируя вышеизложенное, можно дефинировать вождество в качестве специфической формы социополитической организации позднепервобытного общества, которая, с одной стороны, характеризуется как система, имеющая тенденции к интеграции путем политической централизации, наличием единой редистрибутивной экономики, единой идеологии и т.д., а с другой стороны, как система, имеющая тенденции к внутренней дифференциации посредством специализации труда (в том числе и управленческого), к отстранению непосредственных производителей от управления обществом, формированию элитарной и народной культуры.

III

Неоэволюционистская схема стадий социокультурной интеграции используется для классификации обществ с похожей шкалой внутренней структуры. При этом общества, находящиеся на разных ступенях эволюции, сталкиваются с различными организационными проблемами и стрессами. Рано или поздно количество стрессов увеличивается до максимального порога, так что управляющая подсистема не справляется с принятием решений. На этом этапе либо разрушается вся система, либо, если аппарат принятия решений способен внутренне преобразоваться, она трансформируется в организационно более сложную систему [129; 154; 155; 236; 28].

Вождество в этой схеме понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами [204; 210; 212; 81; 88; 98; 99; 153 и др.]. Увеличение размеров горизонтально организованной неиерархической надлокальной социальной

системы возможно до определенного порога. При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей системы принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, т.е. сформировать такую надлокальную структуру управления, как вождество [88; 103; 154; 155; 104; 185; 220]. В этом смысле появление вождеств может быть сопоставимо с такими важными скачками в человеческой истории, как «неолитическая», «городская» и «индустриальная» революции, а данный процесс можно обозначить как управленческую революцию.

Подход к вождеству с точки зрения теории принятия решений был переведен Р.Адамсом в энергетические категории [81; 82]. Он рассматривал различные таксономические формы человеческих сообществ — от временных агрегатных коллективов, не имеющих выраженной структуры, до гигантских деспотических и тоталитарных империй. По Р.Адамсу, любое стабильное человеческое сообщество является открытой энергетической системой, которая обменивается энергией с внешней средой и преобразует эту энергию. Любая система стремится к уменьшению внутренней энтропии. Лучше это получается у тех систем, которые оптимизируют механизмы хранения и использования потоков энергии.

Именно в таком контекстуальном ключе Р.Адамс подходит к вождеству. Он рассматривает вождество как особый уровень интеграции, на котором контроль над энергией принимает иерархически централизованный, отделенный от широких масс характер. Централизованная организация перераспределения является энергетической основой стратификации в вождестве. Вождь независим в принятии решений, хотя источники и функции его власти ограничены.

Это важный шаг в истории социальных систем, поскольку концентрация власти в руках немногих способствует лучшей «энергетической адаптации» сообщества к внешней среде. Для закрепления данных принципов общественной структуры используются механизмы сакрализации правителя, передачи власти по наследству, ограничения доступа к управлению на основе эндогамии.

Насколько широко вождество было распространено во всемирной истории? Выше я уже отмечал, что на Западе лишь немногие авторы склонны выводить чифдом за рамки обязательных этапов социокультурной эволюции. Среди отечественных исследователей, которые активно используют в своих работах это понятие, по данному вопросу также нет единства: одни поддерживают тезис об универсальности

вождеств [15; 17; 7], другие отрицают его [62; 63; 47]. Однако до сих пор большинство отечественных и многие зарубежные исследователи-марксисты традиционно продолжают изучать процесс перехода от первобытнообщинного строя к ранней государственности в рамках концепции «военной демократии» [123; 143; 34]. У ряда исследователей прослеживается тенденция рассматривать понятия «чифдом» и «военная демократия» как синонимы [1; 27].

Последнее обстоятельство вынуждает обратить внимание на различия между данными дефинициями. Военная демократия как «идеальный тип» общества — это горизонтально организованная политическая структура. В ней динамически сосуществуют три равноправных органа управления: народное собрание (или собрание воинов), совет старейшин и вождь. В вождестве народ отстранен от непосредственного управления. Рождество является не горизонтально, а иерархически организованной формой управления. Следовательно, вождество — более сложная структура управления и власти.

Все признаки в обществах уровня вождеств в сравнении с обществами стадии военной демократии выглядят более развитыми. Вождества более централизованы, в них более ярка иерархия поселений, ярче выражена социальная стратификация общества. В вождествах гораздо сильнее развита внутренняя структура власти, прослеживаются тенденции к сакрализации персоны верховного правителя и расслоению аристократии на управленческую, военную и жреческую. Наконец, в вождествах присутствует редистрибутивная система распределения прибавочного продукта.

В отличие от вождества военная демократия — это начальная фаза только одного из возможных вариантов происхождения государственности [73], так называемого «военного» пути политогенеза [21; 31; 47]. В процессе эволюции она трансформируется в «военно-иерархические» и «военно-олигархические» структуры. Напротив, вождества могли быть не только «военно-иерархическими», но и «аристократическими» или «теократическими» и, возможно, какими-то еще [75; 2!; 31; 47; 43]. Поэтому исторически вождество можно рассматривать еще и как более распространенную форму социополитической организации, чем военно-демократические структуры.

Однако можно ли вождество считать универсальным способом трансформации первичной мегаформации во вторичную? Несмотря на то что это был наиболее распространенный вариант политогенеза, его все-таки нельзя абсолютизировать. Были и другие формы перехода от предклассовых

обществ к раннеклассовым. Представляется, что их существовало как минимум два [43].

Первый вариант был связан со специфическим путем социальной эволюции — генезисом классов и государства на основе трансформации *протополисной* («античной», по К. Марксу) общины в классическую полисную структуру. Ее основу составляло не отстранение масс от управления обществом (как в вождестве), а напротив, широкое привлечение всех субъектов — граждан полиса к политической жизни города-государства [79; 18; 19; 58; 59; 37].

Второй вариант был связан с завоеванием неиерархической потестарной структурой (типологически аналогичной ирокезским «племенам» или «союзам племен», по описанию Л.Моргана) более развитого социального организма и установлением суперстратификации, с последующей трансформацией межэтнических противоречий в классовые. В такой ситуации довождеская структура сразу трансформировалась в государство. В качестве примера можно указать на генезис Спарты, однако, наверное, наиболее часто такой вариант политогенеза встречался у кочевников-скотоводов, завоевывавших и эксплуатировавших земледельцев [159; 44].

Поскольку затронутым оказалось и такое дискуссионное понятие, как «племя», имеет смысл остановиться на его соотношении с терминами «военная демократия» и «вождество». Понятие «племя» можно понимать двояко: как один из типов этнических общностей на ранних этапах исторического процесса или как специфическую форму социальной организации и структуры управления, характерную для первобытности [64; 45; 77; 23; 31; 47; 2; 65; 69].

Применительно ко второму пониманию термина «племя» традиционно принято выделять две его исторические формы. Более ранние архаические *племена* представляли собой аморфные, не имеющие четких структурных границ и общего руководства совокупности сегментов различных таксономических уровней. Эти сегменты объединялись отношениями реального и фиктивного родства, имели единую территорию обитания, общее название, систему ритуалов и церемоний, возможно собственный диалект [210; 211]. Одна из наиболее удачных характеристик такой формы социальной организации была дана на примере нуэров Восточной Африки Э. Эванс-Причардом [80].

Вторичная форма племени являлась политически более интегрированной структурой и имела зародышевые органы общеплеменной власти: народное собрание, совет старейшин и военных и/или гражданских вождей [131]. В несколько

идеализированном виде этот тип социальной организации был обрисован Л.Морганом в «Древнем обществе» на примере ирокезов (современные исследования показывают, что у них было вождество [180]). Впоследствии выводы Л.Моргана по данному вопросу активно обсуждались западными антропологами, и в настоящее время большинство зарубежных исследователей считают, что племена возникали только как следствие внешнего давления развитых государственных обществ на безгосударственные и такая форма социальной организации имела только вторичный характер (цит. по [77]).

Представляется важным обратить внимание на следующие моменты. Племенное общество с потестарной организацией управления в форме военной демократии или аналогичных ей институтов не могло перерасти непосредственно в государство. Это возможно было только в вышеуказанном случае, когда племенная структура завоевывала более развитое общество с последующим установлением суперстратификации (например, в процессе завоеваний скотоводами земледельцев в Межозерье в Восточной Африке). Племенное общество обладало более примитивной системой управления и власти, чем вождество.

В вождестве народ отстранен от управления, тогда как в племенном обществе народное собрание наряду с советом старейшин и институтом вождей является важным механизмом выработки и принятия решений. В вождестве существуют иерархия власти, социальная стратификация, редистрибутивная система, получает развитие культ вождей. Племя же характеризуется больше декларируемой, чем реальной, иерархией, более эгалитарной социальной структурой, отсутствием редистрибутивной системы, а институт вождей только начинает складываться.

В целом понятия «вождество» и «племя» соотносятся как более развитая форма и генетически связанная с нею, но менее развитая форма. Их соотношение находится примерно в той же плоскости, что и соотношение между терминами «вождество» и «военная демократия» (племя же — исторически более распространенная форма, чем военная демократия). Но в то же время понятия «вождество» и «племя» должны рассматриваться в логической оппозиции как централизованное и децентрализованное состояния социальной системы. Их соотношение должно быть примерно таким же, как и соотношение понятий «общинно-кочевое» и «военно-кочевое» состояния номадизма, разработанных Г.Е.Марковым [49]. Иными словами, если племя в теоретической модели можно представить как определенную совокупность сегментов, объ-

единенных лишь зародышевыми формами управления, то теоретическая модель вождества могла бы выглядеть следующим образом: в принципе тот же набор сегментов, однако объединенных на основе централизованной власти, иерархической системы принятия решений.

Такое разграничение важно по двум, причинам: во-первых, на протяжении всей истории вождеств их распад и возвращение общества в доиерархическое состояние случался неоднократно (а для кочевых обществ это было широко распространенным закономерным явлением [49; 159; 42; 44]), что должно быть зафиксировано не только в конкретно-исторических исследованиях, но и на теоретическом уровне; во-вторых, в западной антропологии племя признано исключительно вторичной формой, и сейчас его, к сожалению, не принято включать в число основных единиц на шкалах социокультурной интеграции [131; 212; 103; 153; 207 и др.].

Глубоко сомнительна продуктивность такого шага. Между отдельной общиной и вождеством слишком большая социальная дистанция. Я могу только согласиться с авторитетным мнением Р.Адамса, сказавшего по данному поводу, что если бы термина «племя» не существовало, то его следовало бы придумать ([81]; ср. [228; 145]). Возвращение племени в эволюционный ряд форм политической интеграции намного лучше позволяет понять процесс того, как автономные локальные группы, линиджи, кланы и общинные поселения объединялись в одну политическую общность, и только затем в пространстве этих связей выкристаллизовывалась экономическая, социальная и культурная централизация.

IV

Существует немало попыток типологизации вождеств. В зарубежной науке широко распространено деление на военные, теократические и тропико-лесные вождества [223]. Такая типологизация на уровне здравого смысла не лишена известных оснований. Во-первых, в достаточном числе случаев первичные (pristine) вождества, т.е. возникшие в ходе самостоятельной эволюции, имели ярко выраженный храмово-теократический облик (например, протономы древнего Египта и Месопотамии). Во-вторых, структура многих вторичных (secondary) вождеств, возникших на периферии цивилизаций, принимала выраженный военно-иерархический характер. Наконец, в-третьих, далеко не все вторичные вождества были ориентированы на войну и завоевания. Возмож-

но, именно этим объясняется выделение тропико-лесного типа вождеств.

Однако далеко не все первичные вождества имели теократию в числе своих характеристик. Напротив, военные предводители могли обладать сильной властью и высоким общественным статусом в вождествах, которые относятся к первичным. Но опять-таки и во вторичных вождествах не всегда политическая борьба между военным вождем и группировками невоенной элиты заканчивалась в пользу первого. В то же время с точки зрения соблюдения принципов типологии нельзя в один таксономический ряд ставить теократические, военные и тропико-лесные вождества, поскольку их выделение основано на разных классификационных критериях. Первые два типа выделены на основе контролирующей власть групп элиты, последний — особенностей экологии. Если же проводить типологию вождеств по форме потестарной власти, то логичнее, руководствуясь соответствующими разработками политантропологов [75; 21; 47], выделять греческо-теохратический, «протобюрократическо-аристократический», военный и, по мнению Л.Е.Куббеля, плутократический типы вождеств.

В то же время следует помнить, что это лишь логические модели. В конкретно существовавшей реальности данные теоретические варианты могли совмещаться. Р.Карнейро не без оснований полагает, что по мере военных побед и установления мира верховный вождь должен использовать другие каналы сохранения своей власти, в том числе религиозные функции. В результате типичное военное вождество через какое-то время могло превратиться в мирную теократию. Но то, что, как образно заметил Р.Карнейро, «лев втянул свои когти», не означает, что их у него не осталось [90, с. 210].

Представляет интерес разделение вождеств по характеру внутреннего контроля. Как отмечает Т.Ерл, в изучении социальной эволюции преобладают два материалистических подхода. Управленческие теории делают упор на системноорганизующие функции элиты, а контрольные теории — на эксплуататорские возможности правителей. Т.Ерл полагает, что, основываясь на последнем критерии, можно выделить три типа вождеств с различными механизмами контроля: 1) с контролем над внутренней экономической деятельностью; 2) с контролем над внешней торговлей и обменом; 3) с контролем над военными силами общества [119, с. 297].

Интересную попытку типологизации вождеств предложил К.Ренфрю [197]. Он попробовал применить теорию вождеств к обществам Старого Света эпохи неолита и ранней бронзы.

Основываясь на археологических источниках, он предложил выделять два типа вождеств: групповой, в котором нет признаков яркой социальной стратификации (богатые захоронения элиты, украшения из драгоценных металлов), но, напротив, имеются крупные культовые, оборонительные и другие сооружения; и индивидуализирующий, характеризующийся общественным неравенством, отраженным в погребальном обряде.

Относительно вышеупомянутой концепции я уже высказывал сомнения в том, насколько такая типология может быть применима не к «мертвым» археологическим культурам, а к живым социальным формам [43]. Кроме того, требуют дополнительной аргументации и исходные посылки типологии. Можно привести много фактов, свидетельствующих, что монументальное строительство осуществлялось и неиерархическими обществами [124; 177]. А неравенство в погребальной обрядности фиксируется и в довождеских общественных структурах [84; 25].

Шире используется классификация вождеств по степени их иерархической сложности. Еще М.Салинз [203] и И.Голдмен [140] выделили в Полинезии несколько уровней стратифицированности обществ, соотнеся их с различными факторами эволюции. Однако наиболее распространено деление вождеств на простые (simple) и сложные, или составные (complex) [116; 222; 153; 237; 15; 17].

Простые вождества представляли собой минимальную иерархическую структуру. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя, как правило более крупному поселению [116; 153; 177]. По Р.Карнейро, типичное простое вождество состояло из плюс минус 12 деревень [88]. Их население было невелико, обычно — до нескольких тысяч человек [116, с. 47].

Составные вождества — это уже следующий этап социально-политической организации. Они состояли из нескольких простых вождеств, которые для удобства редистрибуции были включены в общую структуру в качестве полузависимых сегментов [222]. Численность их населения измерялась уже десятками тысяч человек [88; 222; 153]. Их центры — «градоподобные» пункты имели четкую планировку, плотную застройку; нередко в центре или в самом труднодоступном месте поселения находилась «крепость» с дополнительными фортификационными сооружениями [144; 150; 176; 181]. К числу характерных черт составных вождеств можно отнести также весьма вероятную этническую гетерогенность, неучастие управленческой элиты и ряда других социаль-

ных групп в непосредственной производственной деятельности.

Многие составные вождества не ограничивались тремя уровнями политической иерархии. По этой причине ряд исследователей доводит количество уровней сложности вождеств до трех, выделяя верховные, ранжированные и неранжированные [234], минимальные, типичные и максимальные [88], простые, сложные и суперсложные [43] вождества. Вероятно, такие попытки не лишены известного смысла, поскольку в отношении кочевых обществ, например, можно определенно констатировать, что внутренняя структура многих «степных империй» гораздо сложнее, чем просто составное вождество, но в то же время она не совсем соответствует традиционно выделяемым характеристикам раннегосударственной организации [42; 44].

Таким образом, в основу всех рассмотренных типологий положен, как правило, какой-либо один критерий. Их конечная цель — свести многообразие фактических форм позднепервобытных обществ к простым, понятным схемам, которые явились бы удобным инструментом анализа реальных процессов. Однако, поскольку рассмотренные выше типологии исходят из какого-то одного критерия, ими (т.е. типологиями) сложно охватить все многообразие имеющегося материала. Новые открытия подтачивают и разрушают фундамент имеющихся схем. К тому же всегда можно поставить под сомнение и основу любой типологии: где доказательство того, что выбранный критерий является действительно важной чертой структуры данного общества и происходивших в нем процессов?

Дальнейшие перспективы сравнительно-исторического изучения вождеств лежат в создании системных типологий, которые бы включали несколько важных характеристик и отражали бы более обобщенные закономерности эволюции предклассовых обществ. Возможно, следовало бы рассмотреть типологии по различным параметрам, а затем попытаться осуществить генерализированную корреляцию между отдельными классификациями. В качестве первого шага можно предложить классификацию вождеств по хозяйственно-культурным типам. Представляются небезынтересными попытки (см., например, [4]) выявления и сопоставления основных черт предклассовых обществ земледельцев, скотоводов, высокоразвитых рыболовов, хотя есть мнение, что социальная организация первобытных обществ в целом [178] и вождеств в частности [201] не коррелирует с экологией и экономикой. Полученным моделям соответствовали бы такие показатели, как:

1) тип общины (Gemeinwesen по К.Марксу) — основы вождества [137];

2) пространственно-иерархическая сложность социального организма [17; 58–60; 43];

3) система организации производства, из которой складывается тот или иной послепервобытный способ производства [58; 60; 68];

4) функциональный характер правящей элиты [75; 21; 47]. Но построение такой типологии требует учета и осмысления множества археологических и этноисторических фактических данных, известных к настоящему времени, а также, скорее всего, новых оригинальных методов исследования. Важно только, чтобы стремление к универсальной типологии не стало самоцелью, а явилось лишь ключом к познанию причинно-следственных связей в скрытых пространственно-временных закономерностях эволюции предгосударственных и раннегосударственных обществ.

V

В политантропологической литературе неоднократно подчеркивалась двойственность представлений о власти в ранне- классовых обществах. Но вопрос должен быть поставлен гораздо шире: в принципе можно говорить об асимметричном характере любой власти и двойственности подходов к ее изучению. Не случайно Э.Сервис в своем исследовании природы архаических государств писал о позитивном и негативном подходах к сущности государственной власти [212; 213].

Такая двойственность отразилась и в неодинаковом понимании структуры власти в вождестве. В то же время многие авторы справедливо разделяют точку зрения о принципиальном отличии механизмов соперничества за власть в вождествах от аналогичных процессов отбора в более ранних потестарных структурах. Если в эгалитарных обществах соперничество за лидерство осуществлялось на индивидуальном и внутриобщинном уровнях, то вождества являлись надобщинной организацией, и поэтому конкуренция кандидатов в вожди выходила на новый, междеревенский уровень [113; 116; 134; 220].

Большинство исследователей не склонны сводить власть вождей к какому-либо одному фактору и выделяют много каналов развития отношений власти. Можно отметить основные и неосновные факторы. К числу основных каналов можно отнести *управленческие* и *редистрибутивные* обязанности

вождей, контроль над продовольственными ресурсами. Среди других можно указать на контроль над внутренним и внешним обменом или торговлей, над ремесленным производством, идеологию, военные функции вождей и пр.

Следует иметь в виду, что такое деление условно, так как в различных экологических, политических, временных, региональных и конкретно-исторических условиях разные факторы могли играть различную роль. Однако, помня известную идею Ф.Энгельса («Анти-Дюринг», т. 20) о двух путях политогенеза, где в первом (исторически более распространенном) случае элита узурпирует власть путем монополизации именно организационных обязанностей, то можно предположить, что три канала, отнесенные к основным, имели в принципе более важное значение. Поскольку последним факторам уже уделялось в литературе достаточно много внимания, я остановлюсь только на самых принципиальных моментах, обратившись затем несколько более подробно к некоторым из дополнительных каналов обретения и реализации власти.

Организационно-управленческие функции. Данные функции объективно являлись одним из ведущих каналов установления власти правителей в вождествах. Это очевидно, поскольку без введения иерархии в управлении любая сложная система неспособна адекватно реагировать на внешние возмущения и на внутренние стрессы и в конечном счете обречена на распад.

Самую простую модель зависимости между управлением и властью предложил еще К.Виттфогель. По его мнению, ирригация является исходным пунктом «организационной революции», и только сильная деспотическая власть могла бы построить трудоемкие оросительные сооружения и поддерживать их в порядке. В «гидравлической теории» возникновения государства К.Виттфогеля гавайские вождества выступают одним из главных примеров происхождения деспотической власти из необходимости организации ирригационных работ [235, с. 166, 239 — 243].

Последующие исследования показали более сложный характер взаимодействия между ирригацией и властью на Гавайях [117; 142; 162; 163]. Кроме того, для большинства вождеств (как и государств) ирригация не была исключительной чертой экономики. История ряда исследованных современными антропологами обществ (Танзания, Шри Ланка, Япония, Южный Ирак, о-в Бали) показывает, что существование ирригации совсем не обязательно предполагает деспотическую власть.

Тем не менее организационно-управленческие функции объективно являлись одним из ведущих путей развития власти элиты. Вождество представляет собой сложную иерархическую систему, объединяющую совокупность локальных общинных поселений. Такие предпосылки и составляющие процесса возникновения вождеств, как рост прибавочного продукта вследствие перехода к *производящему* хозяйству, усложнение экономической инфраструктуры, увеличение количества населения, приводили к необходимости усложнения и управляющей подсистемы. Для того чтобы регулировать процессы в таком обществе, необходимо было заменить выработанные в более эгалитарных общественных структурах системы политического лидерства на более сложные.

С одной стороны, чтобы управлять вождеством, уже недостаточно того набора личных качеств, который традиционно был необходим для предводителей типа лидера локальной группы охотников-собирателей или общинного старейшины, наконец — бигмена. С другой стороны, для выполнения управленческих обязанностей нужны были не эпизодически, а регулярно функционирующие органы власти. В силу этого происходит: во-первых, выделение в вождестве специальных лиц, которые бы помогали правителю в управленческой деятельности; во-вторых, новый круг функций требовал специальной подготовки правителя общества.

Однако процесс освобождения вождей от участия в непосредственном производстве прибавочного продукта произошел не сразу. Существует масса промежуточных форм и вариаций. В Полинезии, например на Пукапуке и Футуне, вожди сами занимались добычей пищи. Но на Самоа они уже были освобождены от непосредственного труда, а на Таити и Тонга к вождям, не занимавшимся физическим трудом, добавились члены их семей и ближайшее окружение [203; 140; 116, 209; 74].

Постепенно во многих позднепервобытных обществах вырабатывались представления о потенциально опасной, магической силе власти и о том, что только вожди и их родственники обладают набором специфических качеств, позволяющих правильно распорядиться властью, установить контакты с потусторонним миром, чтобы добиться благопритворствования своему обществу со стороны сверхъестественных сил. Простому народу эти качества недоступны; более того, попавшая в его руки власть может стать опасной и нанести вред ему же. Вследствие этого постепенно формируется тенденция к сохранению власти и должности в рамках одной родственной группы. Вырабатывается принцип так называемого *конице-*

ского клана. Сокращается круг возможных претендентов на власть.

С одной стороны, здесь отражается субъективное стремление правителя благоприятствовать своим потомкам и родственникам в их будущей деятельности. С другой стороны, в этом процессе просматривается определенная необходимость, поскольку именно вождю было гораздо проще передать своим потомкам те полезные качества, которые были необходимы для управления обществом. И, наконец, в этом заключался важный объективный стабилизирующий момент: узаконенное ограничение доступа к власти-должности благодаря традиционным нормам приводило к некоторому снижению внутренних конфликтов в борьбе за власть, что в целом способствовало гармонизации потестарно-политических отношений в обществе.

В то же время управленческо-организационные функции элиты в различных вождествах играли далеко не одинаковую роль. В этом плане, думается, можно «интуитивно» разграничивать вождества, в которых экономические функции элиты были очень значительны (например, в древнеегипетских и месопотамских протономах — пояс субтропиков), и вождества, в которых организационно-управленческие обязанности вождей функционально были менее важны (пояс тропического и умеренного климата).

Перераспределенческие функции. Этот канал власти был тесно связан с предыдущим, так как вождество представляло собой систему с централизованной организацией экономики и, следовательно, циркуляция производимого прибавочного продукта и других ценностей осуществлялась через центр. Еще Б.Малиновский [172] образно называл правителя тробрианского вождества «племенным банкиром». А в концепциях М.Салинза [203] и Э.Сервиса [210 — 212] редистрибуция рассматривается едва ли не как самый главный структурный компонент власти в вождествах.

Редистрибуция могла использоваться: 1) для потребления на традиционных праздниках, что потенциально должно было способствовать повышению престижа щедрого вождя; 2) для покрытия затрат на обеспечение различных общественных работ; 3) в качестве страхового фонда для массовых раздач в голодные периоды; 4) для персонального потребления вождя, его домочадцев, слуг и приближенных.

С одной стороны, надо иметь в виду, что редистрибуция не способствовала концентрации богатств и излишков пищи у элиты автоматически. Обогащение вождей и их окружения осуществлялось опосредованно, через увеличение престижа

вождей путем организации разного рода массовых раздач. Раздавая общественный продукт от своего имени, правитель повышал тем самым свой престиж, а общинники, получая дар, вынуждены были отвечать ответными подарками, превосходившими его, как правило, по объему. Таким образом, процесс шел по нарастающей.

С другой стороны, за отправление своих общественных функций вождь пользовался частью коллективного прибавочного продукта для личных нужд, для обеспечения домочадцев и слуг и для «представительских расходов». Первоначально такие расходы были невелики. Но со временем запросы все росли. В некоторых самых развитых предгосударственных иерархических структурах правители могли себе позволить, что называется, без зазрения совести залезать в общественный карман и использовать произведенный народом продукт исключительно на собственные нужды [203; 131; 140; 116; 119; 209; 144; 191; 139].

Наконец, обретенная вождями возможность манипулирования общественным продуктом напрямую или косвенно приводила к тому, что они стали поощрять одних лиц и сдерживать других. Такая возможность приоткрывала или прикрывала общественную кормушку и была важным фактором усиления зависимости подданных (наверное, не будет ошибкой сказать, что в первую очередь это справедливо в отношении ближайшего окружения вождя) от правителя вождества. Вспомним уже неоднократно цитировавшуюся политантропологами эскимосскую половицу: «Подарки создают рабов, как кнуты — собак».

В то же время следует отметить мнение Т.Ерла, что во многих вождествах редистрибуция не могла быть основным фактором усиления социальных позиций вождя, поскольку прибавочный продукт на этом уровне стадийного развития был невелик, а сама редистрибуция осуществлялась не столь часто [119]. Думается, что данная точка зрения справедлива. Не исключено, что степень развитости редистрибутивных отношений в вождествах типологически может коррелировать со степенью развитости другого рассмотренного выше канала власти — управленческо-организаторских функций вождя.

Контроль над ресурсами. Наиболее последовательно роль этого фактора среди зарубежных авторов отстаивал М.Фрид. В его эволюционной схеме первобытной истории главным критерием ее завершающегося этапа (стратифицированное общество) является неравный доступ к основным экономическим ресурсам [131]. В той или иной степени важность этих

механизмов для усиления власти вождей подчеркивалась и другими авторами [128; 134; 191; 180].

Данный тезис хорошо подтверждается и многочисленными этнографическими примерами. На Гавайях вожди контролировали процесс перераспределения земельных участков или активно вмешивались в него. За свои посреднические функции вождь пользовался долей прибавочного продукта, который хранился на общественных складах [116]. Власть ольмекских вождей во многом основывалась на контроле над высокопродуктивными террасными землями [93]. Карибские [170], амазонские [199] и миссисипские [181] вождества, основанные на интенсивном земледелии в аллювиальных речных долинах, также демонстрируют примеры подобного рода.

Однако в число ресурсов «ограниченного доступа» входили не только земельные участки. Это правило вполне может быть применимо к другим продовольственным ресурсам: озерам, богатым рыбой, пастбищам с сочной травой и т.д. Но такая практика могла осуществляться и в отношении ресурсов, прямо не связанных с добычей или производством пищи. П. Рик приводит пример того, как элита одного из вождеств пыталась влиять на керамическое производство, контролируя территории, богатые глиной [199].

Как конкретно контроль над ресурсами мог увеличивать власть вождей? Во-первых, имеющиеся ресурсы вождь мог передавать в пользование, «дарить» своим подданным (так же как и произведенный прибавочный продукт), повышая тем самым свой престижно-социальный статус, а впоследствии улучшая и свое экономическое положение. Во-вторых, вождь мог привлекать подданных к обработке общественных или находящихся в его распоряжении ресурсов под каким-либо благовидным предлогом (например, для подготовки к празднику с учетом особенной общественной важности этого мероприятия). В-третьих, вождь имел право на лучшую долю ресурсов: самый плодородный кусок земли, самые тучные пастбища, наиболее богатую рыбой или моллюсками часть реки или озера.

Еще один важный момент: как соотносится ограничение доступа к ресурсам с общим развитием социально-политической структуры? Это сложный вопрос, требующий особого рассмотрения. Специально анализируя его А.Саутхолл полагает, что для до государственных обществ характерна коллективная собственность на средства производства, тогда как для ранних и зрелых государственных образований — монополия элиты на средства производства, Процесс зарождения частной собственности на ресурсы начал осуще-

твляться на стадии вождества через зарождение символическо-ритуального неравенства по отношению к ним, ритуальную монополию верхов на средства производства, а затем замену последней реальными частнособственническими отношениями. И именно в тот момент, когда элита идеологически монополизует отношения к ресурсам и средствам производства, по мнению А.Саутхолла, можно говорить о появлении зачаточного раннего государства [218, с. 78 — 80].

Тем не менее очевидно, что и здесь жесткой зависимости быть не может. На Тонга и Маркизах, например, правители вождеств нередко уже рассматривали землю как свою собственную [203], но в раннегосударственном обществе йорубов использование дворцовых земель на личные нужды, бывало, приводило к недовольству масс [39].

Следует отметить, что в марксистской литературе этот процесс рассматривался в качестве возникновения частной собственности на средства производства и интерпретировался как едва ли не ведущий фактор возникновения государственности. Такая позиция сохраняется и сейчас (см., например, [68 — 70]).

Таким образом, многочисленные современные исследования зарубежных и отечественных авторов убедительно показывают, что развитие частной собственности сдерживалось различными перераспределительными механизмами, а повышение общественного статуса осуществлялось не напрямую в зависимости от количества имущества, а опосредованно — через повышение социальных позиций.

Кроме того, следует иметь в виду, что собственность является одной из важнейших составляющих социальноэкономической системы человеческого общества. Она имеет глубокие социобиологические корни и восходит к механизму территориальности, отражающему витальные потребности любого живого организма [61]. Однако собственность неправомерно рассматривать как сущность всех общественных отношений, поскольку анализ функционирования сложных систем в принципе не сводим к анализу их отдельных элементов — «клеточек» (вот в чем, как оказалось, ошибался К.Маркс!) или внутренних связей, составляющих эти системы. Следовательно, и вся человеческая история не сводима только к пяти (или шести, семи и т.п.) сменяющим друг друга типам собственности.

В целом же, касаясь управления, контроля и перераспределения, следует рассматривать их как разные стороны единого процесса монополизации общественно-полезных функций. В силу занимаемого места в системе управления об-

ществом вождь и его окружение, владея информацией ключевыми рычагами распределения ресурсов и произведенного прибавочного продукта, выступают (или могут выступать) в качестве «идеологических» собственников средств производства и прибавочного труда. Однако эта их «собственность» условна так же, как «собственность» бюрократов в государственном секторе производства, и вторична по отношению к функции власти, т.е. месту в иерархии управления обществом. Иными словами, речь идет о становлении феномена иерархического владения средствами производства в соответствии с местом, занимаемым в общественной иерархии, который Л.С.Васильев назвал термином «власть-собственность» [16; 17; 19]. В социобиологической подосновы данного процесса, вероятно, находятся потребности в установлении асимметричных иерархических связей, стабилизирующих общество как систему, территориальное поведение и индивидуальное стремление особей к лидерству [61].

Более подробно рассмотрим теперь дополнительные факторы усиления власти.

Контроль над обменом и торговлей. Ограничение доступа к внешне-торговой деятельности — это универсальная черта, характерная как для надлокальных первобытных обществ, так и для ранних государств [108; 118; 78; 31, гл. 1]. В вождествах право на обмен обычно ограничивалось только его правителем или же главами ведущих линиджей [127; 134; 212], как в знаменитой куле у тробрианцев, подробно описанной Б.Малиновским [171]. Это делало разрыв в статусе между элитой и простыми общинниками еще более ощутимым. Существует даже попытка построения модели контроля элитой внешней торговли, которая затем была применена к раннеевропейской истории периода бронзы [165 — 167] и раннего железного века [130].

Исследования показывают, что в то же время внешнюю торговлю можно рассматривать как один из способов конкуренции элиты за высокий статус, который приводил к повышению позиций более удачливых вождей и к формированию широкой сети династических браков, «вассальных» и союзнических отношений. Вожди, чьи чифдомы были расположены в стороне от главных торговых артерий, вели войны за возможность контроля над ключевыми пунктами обмена [127; 147; 118; 186].

Межобщинный обмен являлся также одним из механизмов стабилизации внутренней экономики вождеств. Но поскольку внешний обмен сам был нестабилен и подвержен циклам спада и роста [119], он не мог входить в число устойчивых

каналов усиления власти правителей вождеств. Хороший пример демонстрирует сравнение юго-восточных испанских вождеств (мильярская культура) с португальскими (культура Вила Нова). Поскольку власть в первых была основана на контроле внутренней экономической деятельности, то они являлись более устойчивыми, чем вторые, власть в которых базировалась на контроле внешнего обмена и распределении полученных товаров [138].

Если обмен и торговля осуществлялись с более развитыми обществами, то они интенсифицировали все внутренние процессы в вождествах [130; 202; 232]. Но в то же время торговля не была ведущим фактором политической эволюции вождеств. Она способствовала трансформации вождеств в ранние государства только с возникновением широкой торгово-обменной сети, а власть элиты больше зависит от управления экономикой и контроля над вооружением [161].

Контроль над ремесленным производством. Контроль над обменом интенсифицирует и контроль над изготовлением предметов престижного потребления, которые вожди использовали как для своих личных нужд, так и для внешнего обмена [119; 219]. Этому имеется множество археологических и этнографических примеров [116; 91; 167; 177; 181; 239]. В то же время не следует забывать, что ремесло в вождествах было развито еще сравнительно слабо и, следовательно, вожди могли осуществлять контроль только над производством небольшого количества наиболее престижных предметов [135; 138; 187; 189; 239].

Правители вождеств стремились также к контролю над производством орудий труда (в терминологии западных авторов — «производством продуктивных технологий»). В поселениях индейцев камилуи обсидиановые орудия распределяются таким образом, что их большинство концентрируется в пределах хозяйств элиты [173]. Тробрианские вожди контролировали ввоз камня, применявшегося для изготовления каменных топоров [153]. С началом изготовления железных орудий труда, в результате чего стало возможным распространение земледелия на обширных пространствах Европы, Азии и Африки [75; 58; 59], начинает фиксироваться контроль над металлургией и распределением орудий труда [240].

Вожди всегда стремились сделать подконтрольным изготовление оружия. В первую очередь это касается металлических и трудоемких предметов вооружения [141; 161]. Известны также попытки вождей подчинить своему влиянию и гончарство [199]. Вообще, исследования специалистов пока-зывают, что тенденция к установлению контроля над ремес-

ленным («проторемесленным») производством — такая же универсальная черта эволюции вождеств, как и контроль над внешним обменом и торговлей [177; 219].

Контроль над «производством продуктивных технологий» мог достигаться и посредством привлечения элиты в ремесленное производство. Не случайно в ряде регионов мира (Скандинавия, Британия, Полинезия, значительная часть Тропической Африки и др.) вожди и правители должны были владеть наряду с другими необходимыми им качествами и кузнечным ремеслом, а в Полинезии вожди практиковали и такую престижную форму ремесленной деятельности, как изготовление лодок и резьба по кости [78].

Каково было соотношение между контролем над изготовлением средств производства и контролем над производством предметов престижного потребления в структуре власти вождеств? Существует интересная модель, согласно которой контроль элиты над производством предметов престижного потребления (группа «Б») доминировал в вождествах и ранних государствах номового (протономового) типа, где получение прибавочного продукта зависело главным образом от системы организации труда (строительство ирригационных сооружений и т.д.), а не от качества орудий труда (субтропики, районы «великих рек»). Напротив, в районах, где интенсификация земледелия зависела в большинстве случаев от технологических инноваций — использования железных орудий труда (умеренные, тропические зоны), более важным представлялся контроль вождей над ремесленным производством средств производства (группа «А») [58—60]. И хотя у этой модели имеются противники [38], интуитивно ощущается ее практическая полезность для типологизации доиндустриальных обществ. На вопрос — кто же ближе к истине? — могут ответить только широкие сравнительно-исторические исследования.

Война и военно-организационные функции. Война являлась еще одним важным фактором, который потенциально способствовал политогенезу. Большая роль этого фактора в эволюции вождеств отмечалась многими зарубежными исследователями [172; 87; 88; 119; 175 и др.]. Имеется даже мнение, восходящее к работам Л.Гумпловича и Ф.Оппенгайма, будто лидерство в войне — это обязательная функция всех вождей и главный фактор генезиса государственности. Однако эта гипертрофированная точка зрения убедительно опровергается современными данными [75; 47]. В целом представляется очевидным, что далеко не во всех случаях генезис вождества и раннего государства происходил в процессе войн и завое-

ваний. Но верно и другое: хотя война теоретически не относится к обязательным составляющим политогенеза и классовообразования, в реальности она как раз нередко доминировала в указанных процессах. При этом следует разграничивать два основных варианта роли войны в эволюции вождеств: там, где вождь являлся одновременно и военным предводителем, и там, где существовало деление элиты по функциональному признаку на управленческую, военную и жреческую.

В то же время важно указать на те конкретные военноорганизационные функции, которые расширяли власть военных вождей и правителей вождеств.

1. Война являлась важным способом расширения базы доходов вождя и его ближайшего окружения [116]: во-первых, это награбленные предметы престижного потребления и украшения; во-вторых, это захваченные пленники и пленницы, которых могли использовать в хозяйстве вождя, для культово-церемониальных нужд, дарить, обменивать, продавать и т.д.: в-третьих, это завоеванные земли (как правило, вместе с населением). Поскольку военные приобретения реже шли в котел престижного перераспределения, чем результаты непосредственной хозяйственной деятельности, контроль над их распределением служил важным фактором усиления власти военных предводителей.

2. При существовании в вождестве жесткой генеалогической статусной системы доступа к власти участие в войнах для основной массы населения (а особенно для маргиналов) было едва ли не единственным способом повысить свое положение в обществе. Нередко именно поэтому около правителей вождеств или вокруг военных предводителей (при функциональной разграниченности элиты) постепенно концентрируется круг профессиональных воинов — дружина, которая слабо связана с традиционными общественными структурами и ориентирована на личную преданность своему военачальнику. Вполне понятно, что опора лидера на свои личные связи с вооруженными, дисциплинированными сторонниками — это весомый аргумент в политической борьбе за власть.

VI

В нашей литературе широкое распространение получила упрощенная точка зрения, что на всем протяжении первобытной истории господствовало равенство и только на стадии вторичной мегаформации появилось четкое социальное рас-

слоение и разделение культуры на массовую и элитарную. Однако данные современной науки показывают, что членение общезнаковой культуры на субкультуры прослеживается еще до возникновения классового общества и государства. В.А.Шнирельман, специально исследовавший этот вопрос на океанийских этнографических материалах, собрал большое количество фактов, которые убедительно свидетельствуют, что дифференциация культуры на субкультуру элиты и субкультуру простых людей начинает складываться на стадии вождества [78].

Сначала эти отличия затрагивают в основном сферу ритуально-этикетной деятельности (вождь отличался во время обрядов одеждой, раскраской, прической и пр.). Вожди имели ряд преимуществ и полномочий; как правило, они обладали большим, чем простые общинники, количеством жен (возможно, что последнее генетически связано с биологическим отбором). Но образ жизни вождей еще слабо отличался от образа жизни подданных. Они наравне со всеми (хотя и в меньших размерах) участвовали в непосредственном трудовом процессе, питались теми же продуктами, жили в таких же дискомфортных условиях [171; 203; 210; 140; 104; 148; 78].

В более стратифицированных вождествах отличия уже касались и повседневной одежды, а также раскраски, прически, татуировки, украшений, оружия, специфических знаков отличия, например жезлов, и пр., вожди становились обладателями большого количества престижных предметов потребления (раковины каури, пояса маро и т.д.). Отличия касались и материальной культуры: дом (а затем и усадьба) вождя находилась в центре поселения. Нередко он был больше и прочнее других построек [203; 204; 210; 140; 116; 104; 147; 78; 90; 92; 153; 225; 233; 163].

В наиболее развитых вождествах в отношении вождей существовал сложный этикет. Личность вождя стала священной. На этой стадии вожди уже не участвовали в непосредственном трудовом процессе и занимались исключительно управленческой, медиативной и церемониальной деятельностью. Они обрастали штатом помощников и администраторов, клиентами и слугами. Простые люди лишались доступа к правителю. Во многих обществах они должны были оказывать ему особые знаки почтения, часто им запрещалось обращаться к правителю без посредников. Нередко имя вождя табуировалось. Вождь мог появляться перед народом только на носилках.

Усадьбы и дома вождей выделялись большими размерами, планировкой и отделкой. Нередко дома строили на специаль-

ных каменных фундаментах, обносили неприступным забором. Вожди обладали значительными имущественными ценностями (сюда следует включить и общественные накопления, распределение которых велось от имени вождей). Их питание значительно отличалось от питания простых людей количеством и разнообразием пищи, наличием особых табуированных продуктов (например, в ряде обществ Океании — свиньи, черепахи). Вожди постепенно монополизировали социально важные знания, их передача осуществлялась только внутри элитной верхушки. В некоторых обществах существовало нечто вроде школ для детей аристократии [203; 140; 212; 205; 209; 9; 78; 153; 65; 97; 233; 207].

Социальная дифференциация первобытных групп нашла свое отражение и в погребальном обряде. Еще Л.Бинфорд проделал кросс-культурное сравнение погребальных обрядов нескольких десятков первобытных коллективов, в результате которого он пришел к выводу о качественной корреляции между особенностями погребального обряда и общественным статусом покойного. При этом, по мнению Л.Бинфорда, характер погребального инвентаря наиболее тесно коррелировал с половозрастными особенностями погребенных, тогда как на социальные позиции покойного наиболее ярко указывали количество сопроводительного инвентаря и местоположение могилы [83].

Впоследствии многие отечественные и зарубежные исследователи отмечали связь между экономическими возможностями и социальными позициями покойного, и с распределением имущества в погребении, а также с энергией, затраченной на сооружение погребальных конструкций [225; 193; 50; 226; 29; 214]. К.Ренфрю даже предложил использовать наличие значительной дифференциации в погребальном обряде в качестве критерия для выделения одного из типов вождеств [197].

Дополнительную информацию о существовании в обществе стратификации может дать антропологический и остеологический анализ костей. Он может указать на различия в питании, физической силе и здоровье погребенных [110]. В некоторых случаях (например, на Таити) эти различия искусственно углублялись деформацией различных частей тела, что служило для древних наглядным показателем социального статуса [78].

В то же время следует заметить, что иерархия является одной из фундаментальных составляющих любой биосоциальной системы [61], она прослеживается в самых примитивных локальных группах охотников и собирателей [5; 6]. По

этой причине фиксируемая при исследовании могильников стратификация далеко не всегда является показателем того, что данное общество достигло уровня вождества. Кроме того, даже теоретически (а практически это фиксировалось этнологическими исследованиями неоднократно) богато погребенным мог быть и почитаемый предводитель локальной группы, и авторитетный глава общины, и удачливый бигмен, а все отличия в погребении вождя чифдома могли касаться только пышной похоронной церемонии (об этом см. [78]).

Во-первых, одним из наиболее ярких признаков вождества является наличие четкой социальной стратификации. Не случайно М.Фрид создал для характеристики обществ этого типа такой термин как «стратифицированное общество» [131], а А.М.Хазанов подчеркивал, что именно на этой стадии появляются архаические сословия [75]. Поэтому, в отличие от доиерархических обществ, в вождествах стратификация на местах могильников должна прослеживаться достаточно отчетливо. Во-вторых, погребения выдающихся лиц в более эгалитаризированных обществах, чем вождество, как правило, незначительны от общего количества и топографически не выделяются из погребального комплекса. Напротив, для вождеств характерно сначала выделение наиболее престижных участков для погребения вождей на общих кладбищах, что хорошо фиксируется социальной топографией раскапываемых могильников, а затем и создание специальных погребальных комплексов для знати. В-третьих, возможно, отличительной чертой вождеств является не просто отличие в количестве сопроводительного инвентаря, а такие показатели, как размеры и пышность погребальных конструкций и надмогильных сооружений.

Количество социальных рангов в различных обществах было неодинаковым. Наиболее информативны в этом плане данные по синполитейным обществам нового и новейшего времени, например по Полинезии. Согласно этноисторическим исследованиям, вождества состояли, как минимум, из «знати» и простых общинников [203; 140; 97]. На Тонга благодаря археологическим исследованиям было выделено три группы надмогильных погребальных сооружений: 1) большие, облицованные камнем курганы линиджа правителя; 2) земляные курганы региональной знати; 3) небольшие холмики над могилами простых общинников [9]. Аналогичным образом было стратифицировано одно из древнейших вождеств на территории США в Паверти Пойнт [135]. Но на Таити, по И.Голдмену, существовало три иных страта: вожди, рядовые общинники и рабы (*каува*) [140]. А в наиболее централизо-

ванных вождествах Полинезии (например, на Гавайях) число социальных рангов равнялось четырем: аристократия, земледельцы-общинники, лица неполноправные, но лично свободные, рабы [203].

В целом, анализируя динамику социальной стратификации в вождествах, можно обнаружить немалое количество различных вариаций. Но так или иначе, наверное, можно предположить, что в наиболее распространенном, «классическом» случае социальная стратификация имела троякий вид: верх общественной пирамиды — наследственные вожди и другие категории элиты; середина — свободные полноправные непосредственные производители; низ — различные группы неполноправных и бесправных лиц, которые эксплуатировались, как правило, верхним стратом социума.

Возникновение института вождей, а затем и вождеств нередко сопровождалось возведением мегалитических сооружений: гробниц, святилищ, насыпей, статуй, гигантских ворот и т.д. Такие сооружения известны во многих регионах мира [140; 196; 198; 160; 9; 216; 164; 230 и др.]. Причем, неоднократно указывалось, что труд, затраченный на монументальное строительство, может быть применим в качестве оценки ранга социальной группы, так как только сравнительно крупные надлокальные общественные организмы могли создавать монументальные сооружения культового, экономического, фортификационного и другого характера [185; 147; 197; 188; 88; 164; 208].

Однако это в принципе справедливое мнение имеет своих оппонентов, и их логика едва ли менее убедительна, поскольку в общем-то никем не было аргументированно обосновано, что для строительства монументальных сооружений обязательно была необходима централизация власти [124; 177]. Теоретически такие постройки вполне могли возводиться усилиями временно сконцентрированных людских ресурсов. По этой причине археологическая фиксация мегалитических строений (и оросительных, и других хозяйственных масштабных построек, дорог, оборонительных сооружений и т.д.) в подавляющем большинстве случаев может рассматриваться только как вероятный, но отнюдь не обязательный показатель вождества. Надежнее изучать мегалитические сооружения в совокупности с другими признаками в качестве критерия уровня социального развития.

Более надежным показателем оценки уровня социокультурного развития служит анализ отдельных поселений и систем расселения в целом. Методикой исследования здесь выступает так называемая *пространственная археология* [151;

100]. В ее основе лежит ряд теоретических принципов, заимствованных из социально-экономической географии и переосмысленных археологами в соответствии с их собственными нуждами. Согласно этим принципам, пространственное размещение следов человеческой деятельности есть не что иное, как отражение реальной экономической и социальной деятельности древних культур.

Возможно, такая методика — это наиболее объективный индикатор вождества. Она позволяет достаточно точно выявить характер гравитационных связей между отдельными поселениями, их экономический и политический ранг. Если внутри системы поселений выделяется «центр», качественно отличающийся от остальных поселений, то имеются некоторые основания предполагать, что изучаемое общество было вождеством. Если же эти результаты дополняются наличием социальной стратификации, хорошо отраженной в погребальных комплексах, и фиксацией мегалитических сооружений, то таких оснований становится еще больше. Не случайно по данным археологии большинство вождеств было выделено как раз в результате обнаружения иерархии поселений [185; 135; 106; 109 и др.].

Представляется важным проводить корреляцию между результатами анализа системы поселений в целом (макроуровень) и между выводами, полученными при изучении отдельных поселений (мезоуровень). Процедура обоснований здесь аналогична предыдущей. Так как архитектурные сооружения создаются для повседневного использования социальными группами или отдельными индивидами, то они могут и должны отражать характер взаимосвязей внутри групп и между группами [104].

Более того, поскольку дома и другие бытовые постройки эксплуатируются весьма интенсивно, в принципе они должны более точно отражать реальные экономические и социальные связи в обществе, чем, например, погребальные сооружения. Если попытаться перевести затраты на сооружение внутренних крепостей (резиденций аристократии), жилых домов и прилегающих к ним конструкций в энергетические категории, то, думается, можно получить достаточно реалистичную картину социальной стратификации в обществе [50; 190; 104; 187].

В качестве дополнительных показателей можно привлечь данные о внутренней планировке центральных поселений, о концентрации внутри отдельных жилищ (микроуровень) привозных товаров или наиболее престижных предметов. Опыт картографирования артефактов показал, что в поселениях

камиллюи обсидиановые орудия концентрировались главным образом в пределах хозяйств элиты [173]. На укрепленном поселении Алтын-депе в Туркмении более крупные жилища хорошо коррелируют с печатями, украшениями и посудой, прослеживаются различия и в системах питания [50]. Важную информацию можно получить и при исследовании хозяйственных сооружений, например общественных складов. Последние могут свидетельствовать о наличии в обществе редистрибуции [122].

Наконец, еще одним важным показателем, сопутствующим возникновению и развитию вождеств, являются войны. Их массовое ведение начинается в эпоху классового образования, когда вследствие роста производительных сил создаются возможности для отчуждения прибавочного продукта и непосредственного труда общинников. Косвенно рост производительных сил может способствовать интенсификации войн и при внутренних энергетических кризисах (превышение демографического оптимума среды, отсутствие ключевых ресурсов и пр.).

Война хорошо фиксируется по археологическим данным. С войнами связаны строительство фортификационных сооружений в вождествах [168; 107; 175], массовые находки предметов вооружения [83; 165; 167], отражение идеологии насилия и экспансионизма в иконографии [112; 166: 119] и т.д.

В то же время представляется важным отметить, что начало войн не синхронно генезису вождеств. Многие вождества как раз возникали в ходе войн и завоеваний (например, военно-иерархические структуры из военно-демократических). Но так называемые первичные вождества теоретически могли образовываться исключительно и на основе внутренних факторов. Этот вывод отчасти подтверждается океанийскими и африканскими этнографическими материалами. Наконец, вождество не являлось единственной формой предклассового общества [43; 13]. Поэтому археологические признаки войны следует рассматривать лишь как общеисторический фон, на котором разворачивался широкий спектр процессов эпохи классового образования и политогенеза и только среди них генезис и последующая эволюция вождеств.

VII

В политантропологической литературе выделяются два основных подхода к пониманию ранней государственности. Интегративные, или управленческие, теории главным обра-

зом ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции. Конфликтные, или контрольные, теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиций отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования [98; 213; 144; 136; 24]. Такая двойственность справедлива и при рассмотрении различий между вождеством и государством.

Первый комплекс отличий связан с интегративным взглядом на процесс социокультурной эволюции. С этой точки зрения государство представляется как политическая система с более сложной экономической и социальной инфраструктурой. Обычно в число признаков, наиболее ярко характеризующих становление государственности, включаются высокоразвитое и специализированное ремесло и торговля, крупное монументальное строительство, урбанизация, появление письменности [195; 52; 58; 59 и др.].

К этим компонентам можно добавить и ряд других изменений. Если население вождеств составляло десятки тысяч и лишь в редких случаях доходило до ста тысяч человек, то население ранних государств составляло уже многие сотни тысяч и миллионы человек [153]. Соответственно качественно возросла плотность населения [37] и географические размеры ранних государств. К тому же, если для вождеств, как правило, характерна тенденция к этнической гомогенности, а этническая гетерогенность скорее была исключением, чем правилом (сложные и суперсложные вождества), то для ранних государств многоэтничность была уже обязательной чертой общественной структуры [22].

Сдвиг в социально-экономическом развитии сопровождался коренной трансформацией идеологической системы. Уже в поздней первобытности встречались зачатки сакрализации верховной власти, иерархия не только в мире людей, но и в пантеоне божеств. В раннем государстве эти процессы получили дальнейшее развитие. Правитель узаконивал свое положение ссылками на божественное происхождение, выполнял ряд важных для общества религиозных ритуалов и функций [94; 96]. В то же время в раннем государстве можно проследить тенденцию к введению верховного божества или, позднее, заимствование мировых религий от более цивилизованных соседей. Это, с одной стороны, дополнительно увеличивало сакральность и легитимность правителя «сверхъестественным» способом, а с другой стороны, благоприятствовало

политической, культурной и этнической интеграции социального организма.

Важной стороной трансформации мировоззрения является и сложение религиозно-идеологических представлений о системе. «взаимного обмена услугами» между производящими массами и правящей элитой [98; 99; 96; 71], согласно которым первые обязуются исправно платить налоги и исполнять повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями. Данные представления способствовали снятию социальных противоречий в социуме при неразвитом аппарате управления и тем самым придавали общественной структуре дополнительные консолидирующие импульсы.

Еще одно крупное интегративное отличие вождества от государства связано с качественными преобразованиями структуры управления. Политическая иерархия являлась фундаментальным признаком вождества, но в вождествах элита не была функционально дифференцирована. На всех уровнях иерархии она имела, как правило, схожие функции, отличаясь только степенью компетенции в принятии решений. Это делало, по мнению ряда авторов [236; 116; 220], всю систему нестабильной, а каждый отдельный сегмент — «потенциально независимым».

Государство в этом плане отличается от вождества тем, что зачаточные органы управления, помогающие элите в управлении чифдомом, трансформируются в специализированный бюрократический аппарат, основанный на внеклановых связях и состоящий из многочисленных профессиональных бюрократов [235]. Сравнительно-исторический анализ 21 раннегосударственного общества показал, что для этого аппарата (если не на местном и региональном уровнях, то уж на высшем уровне точно) характерна более дробная функциональная специализация: выделение в самостоятельные институты органов принуждения (дружина и войско, «полиция», суд), идеологии (храмово-жреческий комплекс) и управления (различные «канцелярии», административные и хозяйственные службы, контрольно-ревизионные органы и т.д.) [94].

В дополнение к последней точке зрения следует упомянуть особое мнение Р.Коэна, согласно которому главный критерий отличия государства от догосударственных институтов состоит в том, что государственность представляет собой организацию, способную предотвратить раскол социального организма и развить внутри общества особые антираспадные институты [101—103; 99].

Конфликтный комплекс отличий предполагает рассмотрение государства как типа политической организации, предназначенного для снятия внутренних стрессов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одна группа исследователей (главным образом это относится к марксистским и марксистско ориентированным авторам) акцентирует внимание на том, что государство — это управляющая подсистема эксплуататорского, классового общества. Следовательно, помимо организационно-регулирующих обязанностей государство выполняет и функции по обеспечению эксплуатации правящими классами (стратами, группами) непосредственных производителей. Иными словами, государство отличается от вождества наличием классовой эксплуатации и специализированных органов принуждения [131; 32; 33; 64; 41; 46; 47; 59; 65 и др.].

Другая группа исследователей рассматривает государство как организацию, способную контролировать различные процессы (в том числе и конфликты) с помощью монополии на узаконенное использование силы. Первым к такому пониманию государства подошел еще М.Вебер, объясняя его как «аппарат, обладающий монополией на применение силы». В настоящее время этой точки зрения придерживаются многие антропологи [210; 212; 98; 99; 17—19; 43 и др.]. В отличие от государства, где правитель, опираясь на аппарат, может до известных пределов проводить свои решения, в вождестве правитель обладает намного меньшей властью и вынужден балансировать между интересами различных группировок элиты и больших социальных групп [171; 203; 204; 210; 211; 78; 227; 65; 233 и др.].

Таковы в общих чертах самые важные различия между вождеством и государством. Однако провести четкую грань между этими стадийными этапами социокультурной эволюции, особенно когда речь заходит о конкретно-исторических исследованиях, очень и очень сложно, если не невозможно. Какова должна быть численность и/или плотность населения, чтобы в обществе возникла потребность в преобразовании традиционной структуры управления в государственный аппарат? Где качественная граница между сложным вождеством и ранним государством в степени развития организации ремесла и торговли? Как же все-таки отличить правителя вождества (на Таити подданные должны были оголять перед правителями верхнюю часть тела, а на Тонга и Гавайях — падать ниц) от правителя государства, а «архаические сословия» — от раннеклассовой структуры?

Казалось бы, чего проще: ответ на поставленные вопросы может дать марксистский подход к изучению раннего государства. Если затраты на содержание вождя и его приближенных примерно эквивалентны выполняемым ими общественно полезным функциям, то речь должна идти о вожестве. Если же потребление элиты превышает ее вклад в управление обществом, то, следовательно, можно говорить о паразитизме господствующих классов, эксплуатации и государстве. Но можно ли считать, эквивалентен или не эквивалентен управленческий труд и так называемые «представительские расходы»? Особенно когда обмен услугами затрагивает такие разные сферы деятельности, как экономика и культура. Может ли быть равнозначен материальным дарам и дани подданных нематериальный ответ правителя, выраженный, например, в его обязательстве гарантировать со стороны мира божеств своим подданным плодородие земли, обилие скота и многочисленье женщин, мир или удачную войну?

Да и бывают ли в принципе затраты эквивалентными? Лидер всегда и во всех обществах получает больше, чем дает. В лидерстве есть что-то такое, что оправдывает любые потери и траты и притягивает, как магнит, очень многих — от величайших альтруистов, проповедников и революционеров, до самого последнего эгоиста и жестокого тирана. Кто из них и как распорядится своей силой и властью — это уже особый вопрос, выходящий за пределы настоящей темы. Наконец, доминирование и неравенство имманентно присущи различным формам биологической и человеческой социальности, о чем говорилось в предыдущих разделах статьи, и поэтому существование отношений зависимости и эксплуатации не может служить лакмусовой бумажкой, указывающей на формирование государственного общества.

Можно высказать сомнения и в отношении такого важного критерия политической организации, как отделение от непосредственных производителей специализированных органов управления. Этот признак характерен и для вожеств [75; 14; 15; 32; 43; 8; 13; 66 и др.]. Специальные органы принуждения в виде дружины также появляются на финальной стадии первобытности. Особенно это характерно для народов, у которых война являлась важной стороной экономической деятельности [46]. Даже узкая специализация администраторов-«протобюрократов» возможна в догосударственном обществе, как это показал на примере шаньского Китая Л.С.Васильев [17].

Есть ряд контраргументов и в отношении использования в качестве обязательной характеристики раннего государства

монополии на законное применение силы. Р.Карнейро не без основания полагает, что многим раннегосударственным образованиям как раз не хватало монополии на использование силы, ссылаясь при этом на англосаксонские законы, в которых было записано, что любой может убить вора (не обращаясь в специальные органы правосудия) и даже получить за это определенное вознаграждение [88; 89]. Похожие позиции сформулированы в книге Дж.Миллера «Короли и сородичи». И хотя автор чересчур смело оценивает свой труд как гвоздь, забитый в гроб неэволюционистских схем социальной эволюции, нельзя не принять его доводы в отношении того, что у мбунду в Анголе цари не обладали монополией ни на использование вооруженных людей (из всех мбунду лишь киломбо имели постоянное войско), ни на использование магии. Им постоянно приходилось отстаивать и подтверждать на деле свой высокий статус [54].

И, наконец, уж никак нельзя согласиться с мнением Р.Коэна, что государство представляет собой институт, способный удержать общество от распада. Как же тогда быть с древним Египтом в периоды междуцарствий, Китаем чжоуского времени, империей Каролингов после Верденского раздела, древнерусскими удельными княжествами XII— XIII вв.? Если руководствоваться такой логикой, то все указанные общества следует отнести к догосударственным.

Возможно, именно в связи с осознанием необходимости для архаических цивилизаций противостоять распаду Х.Классен так много уделил внимания в своей концепции раннего государства институту священного царя. Это была одна из типичных характеристик ранней государственности [94]. По его мнению, на данном уровне развития организации власти явно не хватало «монополии на использование узаконенного насилия». По этой причине важным инструментом консолидации общества выступала персона сакрализованного правителя. Царь являлся посредником между божествами и своими подданными, обеспечивал благодаря сакральности стабильность и процветание государства, формировал посредством раздач и дарений «сакрально-экономическую» систему общества [96].

Археологические источники, несмотря на то что они дают материальное выражение процессов политогенеза, также указывают на различие между вождеством и государством только в самых общих чертах. Такие принципиально выделяемые признаки цивилизации, как письменность, наличие высокоразвитой торговли и ремесла, монументальная и урбанистическая архитектура, могут встречаться еще в догосудар-

ственном обществе, и, наоборот, их может не быть в раннегосударственных структурах.

Многие из ранних государств доколониальной Африки, известные по этнографическим источникам, с полным правом можно назвать дописьменными. Но есть также данные о пиктографическом письме в первобытных обществах (например, в энеолите Румынии) [195]. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла и торговли, является ли данное общество вождеством или государством. Наконец, где отыскать ответ на не риторический вопрос Р.Карнейро: чем, собственно, погребение правителя сложного общества отличается от могилы короля? [88].

Другая сторона проблемы выделения признаков цивилизации — где провести четкую грань в монументальной архитектуре, которая помогла бы нам понять, построено это в вождествах или государствах? Бесспорно, что пирамиды египетских фараонов или ацтекских царей — это яркий показатель высокоразвитого общества и цивилизации. Догосударственным социальным организациям возведение таких конструкций было явно не под силу. Но могут ли несколько менее впечатляющие сооружения народов, не знавших письменности, но имевших стратифицированную структуру, являться свидетельством наличия государственности? И погребальные насыпи ямной и майкопской культур (диаметр до 100 м, высота 4—10 м), и знаменитый курган номадов Аржан на Алтае (диаметр около 120 м), и пирамида Махаиатеа (основание 81 x 22 м, высота около 15 м) на Таити, поразившая европейских мореплавателей, и всемирно известное святилище в Стоунхендже впечатляют своими размерами туристов и ученых. Но едва ли кто из специалистов, основываясь только на этих колоссальных сооружениях, рискнет утверждать, что народы, воздвигавшие данные монументы, обладали классовой структурой и государственной организацией власти.

Некоторые исследователи сделали попытку рассмотреть процессы политогенеза на основе анализа иерархии систем расселения. Г.Джонсон и Г.Райт, изучая механизмы реагирования социальных систем на различные стрессы, пришли к выводу, что переход от двухуровневой политической организации к трехуровневой сопровождается значительными структурными изменениями: строительство и архитектура принимают более монументальный характер, поселения функционально становятся более дифференцированными, политический центр приобретает более урбанизированные черты. Все это, по их мнению, дает основание предположить,

что для вождеств была характерна двухуровневая иерархия (локальные общины и центр), тогда как для ранних государств — трехуровневая (деревни, районные центры и столица) [238]. Таким образом, изучая диаграммы размеров поселений, можно провести четкую структурную границу между вождеством и государством [88].

Данный тезис вызвал справедливую критику со стороны Р.Коэна, поскольку, с одной стороны, многие общественные структуры, например Западной Африки, не имели иерархически организованной власти, но обладали многоуровневой иерархией деревень и линиджей [179; 103], а с другой стороны, многие вождества имели более сложную внутреннюю организацию, чем двухуровневая иерархия, почему и принято выделять, как минимум, простые и составные вождества (см., например, [222; 14; 15; 237; 153]).

Наконец, урбанизация также служит показателем возникновения государства лишь в самом общем смысле. В этом плане следует упомянуть три комплекса проблем, неизбежно встающих перед исследователями, изучающими феномен так называемой «городской революции».

Во-первых, дискуссионным остается вопрос, был ли параллелен политогенезу процесс образования города (в форме городов-государств) [26; 57] или же государственность могла возникать на безгородской основе [95], либо, наоборот, ранняя урбанизация предшествовала генезису государства [11].

Во-вторых, не менее дискуссионен вопрос, что, собственно, следует считать городом: административно-политический центр определенной территории, выполняющий особые, как правило неземледельческие, функции [3; 215; 229; 26; 48; 10; 57], или же центр сосредоточения ремесла и торговли [152; 67; 72; 30].

В-третьих, могут ли археологические критерии в принципе надежно указывать, что перед нами находятся руины именно города, а не, например, центра вождества? Если пользоваться такими традиционными признаками, как наличие значительной плотности населения, высотной и монументальной архитектуры, плановой и компактной застройки [146; 50—52], то такие известные энеолитические поселения древнего Востока, как Чатал-Хююк, Иерихон, Хаджилар (как в принципе и многие другие центры вождеств), обладают всеми признаками раннегородских пунктов, не являясь таковыми по своей сути.

Таким образом, намеченная в общих чертах демаркационная линия между вождеством и государством при более близком рассмотрении становится расплывчатой, аморфной. Л.С.Васильев, проведя подробное сравнение между моделями

вождества и раннего государства, совершенно справедливо отметил, что уловить конкретную грань между ними очень и очень сложно [17]. Скорее всего универсальных признаков государственности нет, нужна их система. Но сколько признаков составляют систему: два, три или пять? Прав ли К.Ренфрю [195], полагая, что для отнесения изучаемого общества к стадии цивилизации достаточно двух из таких трех показателей, как город, письменность и монументальная архитектура?

Если вспомнить известную мысль Ф.Энгельса («Анти-Дюринг») о двух путях возникновения классов и государства, то теоретически можно допустить, что правители вождества не столько «господа» над обществом, сколько его «слуги», тогда как верхи раннего государства уже не столько «слуги», сколько «господа» над ним. Однако реализовать эту мысль в конкретно-историческом исследовании весьма непростое дело. Не случайно многие в стадильном смысле «маргинальные» общества (т.е. находящиеся на стыке между первичной и вторичной мегаформациями), такие, как Гавайи, Таити и Тонга в Океании [203; 210—212; 116; 209; 94; 163; 97; 233] или Чахокия в Северной Америке [150; 185; 181], интерпретировались на основе одних и тех же фактов некоторыми исследователями как вождества, а другими — как ранние государства.

Еще больше проблем возникает, если исследователи используют различные методологические парадигмы. В такой ситуации расхождения становятся еще более явными. И если для многих наших исследователей-марксистов хуннское объ-единение III в. до н.э., шан-иньский Китай и даже (для некоторых) Киевская Русь были доклассовыми безгосударственными обществами, то для неозволюционистских политантропологов определенно ясно, что вышеуказанные социумы были ранними государствами.

Все вышесказанное, казалось бы, приводит к пессимистическому выводу о принципиальной невозможности решения проблемы разграничения вождества и государства. Однако на деле ситуация не такая уж безнадежная. Даже если исследователь не может построить убедительную для его коллег модель трансформации вождества в государство, это не означает, что его полуинтуитивные выводы в применении к конкретно-исторической реальности будут ошибочными. Не стоит опускать руки и теоретикам. Хотя процесс познания бесконечен и проблема критериев, отличающих догосударственные общественные институты от государственных, относится к разряду вечных, в любом случае современные представле

ния о месте вождеств на шкале социальной эволюции богаче первоначальных идей 50—60-х годов. Я убежден, что более глубокое изучение «маргинальных» случаев, документированных массовым археологическим и этноисторическим материалом, таких, например, как Гавайи, а также крупномасштабное сравнительно-историческое исследование архаических обществ позволят составить более четкую картину процесса перехода от вождества к государству, продвинув тем самым наше понимание истории еще на одну ступеньку.

¹ Именно знакомство с этим глубоким исследованием подтолкнуло меня к мысли о необходимости написания обзорной работы по теории вождества на русском языке. Пользуюсь случаем поблагодарить профессора Х.Классена (Лейденский университет) и сотрудников библиотеки кафедры археологии Токийского университета за помощь в поиске ряда изданий. Однако, к сожалению, мне не удалось отыскать все необходимые для написания обзорной работы, и поэтому ряд трудов цитируется мною по вышеупомянутой статье Т.Ёрла и в той форме, в которой дано их библиографическое описание.

1. *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
2. *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества. М., 1990.
3. *Андреев Ю.В.* Ранние формы урбанизации. — Вестник древней истории. М., 1987, № 1.
4. *Андрианов Б.В., Марков Г.Е.* Хозяйственно-культурные типы и способы производства. — Вопросы истории. М., 1990, № 8.
5. *Артемова О.Ю.* Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества. — Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. I. М., 1991.
6. *Артемова О.Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. — Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.
7. *Березкин Ю.* Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.
8. *Белков П.Л.* Социальная стратификация и средства управления в доклассовом обществе. — Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.
9. *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.
10. *Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город». — История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.
11. *Бондаренко Д.М.* Производственная и социальная организация городов йоруба и эдо (бини) в «предъевропейский» период (XIV—XV вв.). — Советская этнография. М., 1991, № 4.
12. *Бондаренко Д.М.* Бенинское общество накануне первых контактов с европейцами (стадиальные и цивилизационные особенности). Автореф. канд. дис. М., 1993.
13. *Бондаренко Д.М.* Становление государственного общества. Первый вызов вечной проблеме в постсоветской этнологии. — Восток. М., 1993, № 5.

14. *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом). — Народы Азии и Африки. М., 1980, № 1.
15. *Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура. — Народы Азии и Африки. 1981, № 6.
16. *Васильев Л.С.* Феномен власти собственности. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
17. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.
18. *Васильев Л.С.* Курс лекций по древнему Востоку (Ближний Восток). М., 1985.
19. *Васильев Л.С.* История Востока. Т.1—2. М., 1993.
20. *Викторин В.М.* Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов). — Философские проблемы государства и права. Саратов, 1988.
21. *Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И.* Этнография и науки о государстве и праве. — Вестник Академии наук СССР. М., 1984, № 10.
22. *Высоцкий АЛ.* Полиэтнический фактор в генезисе государства. — Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1990.
23. *Генинг В.Ф., Павленко Ю.В.* Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки. — Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.
24. *Годинер Э.С.* Политическая антропология о происхождении государства. — Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.
25. *Грачева Г.Н.* Отражение хозяйственного и общественного уклада в погребениях народностей севера Западной Сибири. — Социальная история народов Азии. М., 1975.
26. *Гуляев В.И.* Города государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.
27. *Гуляев В.И.* Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики: генезис и характерные особенности. — От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
28. *Джонсон Г.* Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (приложение к этнологии и археологии). — Древние цивилизации Востока. Таш., 1986.
29. *Добролюбский А.О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда. — Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.
30. *Илюшечкин В.П.* Об основных стадиях развития докапиталистического города. — Научная конференция «Город на традиционном Востоке». Тезисы докладов. М., 1988.
31. История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
32. *Киселев Г.С.* Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия). М., 1981.
33. *Киселев Г.С.* Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М., 1985.
34. *Ковалевский О.Д.* К вопросу о понятии «военная демократия». — Средние века. Вып. 46. М., 1986.

35. *Кожановская И.Ж.* Иерархические черты социальной структуры традиционных полинезийских обществ. Автореф. канд. дис. М., 1987.
36. *Коптев А.В.* Античная форма собственности и государство в древнем Риме. — Вестник древней истории. М., 1992, № 3.
37. *Коротаев А.В.* Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. — Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. II. М., 1991.
38. *Коротаев А.В., Блюмхен С.И.* Введение. Узловые проблемы социологии развития архаических обществ. — Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. I. М., 1991.
39. *Кочакова Н.Б.* Города-государства йорубов. М., 1968.
40. *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М., 1986.
41. *Крадин Н.Н.* Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987. (Депонировано ИНИОН № 2989).
42. *Крадин Н.Н.* Особенности классовообразования и политогенеза у кочевников. — Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. II. М., 1991.
43. *Крадин Н.Н.* Политогенез. — Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. 4. II. М., 1991.
44. *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
45. *Куббель Л.Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
46. *Куббель Л.Е.* «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации. — Советская этнография. М., 1987, № 3.
47. *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
48. *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X— XIII вв. — Русский город: исследования и материалы. Вып. 6. М., 1983.
49. *Марков Г.Е.* Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. — Советская этнография. М., 1970, № 6.
50. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. А., 1976.
51. *Массон В.М.* Типология древних городов и исторический процесс. — Древние города. Л., 1977.
52. *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
53. *Массон В.М., Маркевич В.И.* Палеодемография Триполья и проблемы динамики развития трипольского общества. — Юбилейная конференция «150 лет ОАМ АН УССР». Тезисы докладов. Киев, 1975.
54. *Миллер Дж.* Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе. М., 1984.
55. *Мурзин В.Ю.* Формирование скифской государственности. — Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Киев, 1989.
56. *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к феодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

57. Павленко Ю.В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств. — Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.
58. Павленко Ю.В. Категория социальный организм и ее роль в историко-археологическом исследовании (на материале раннеклассовых обществ применительно к изучению истории населения украинской лесостепи в эпоху железного века). Автореф. канд. дис. Киев, 1985.
59. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989.
60. Павленко Ю.В. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ. — Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Ч. II. М., 1991.
61. Плюснин Ю.М. Проблемы биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990.
62. Першиц А.И. Вождество. — Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. М., 1986.
63. Першиц А.И. Вождество. — Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
64. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1982.
65. Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI—XIX вв. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990.
66. Попов В.А. Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в парапозитивных обществах (на материале доколониальных аканов). — Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.
67. Сайко Э.В. Предпосылки и условия формирования древнего города. — Древние города. Л., 1977.
68. Семенов Ю.И. Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность. — Исследования по первобытной истории. М., 1992.
69. Семенов Ю.И. О «социологии племени», теоретическом мышлении и многом другом. — Этнографическое обозрение. М., 1992, № 5.
70. Семенов Ю.И. Об «архаическом обществе», классогенезе, политогенезе и еще десятке подобного же рода сюжетов. — Восток. М., 1993, № 5.
71. Скальник П. Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии. — Советская этнография. М., 1991, № 3.
72. Стам С.М. К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе. — Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
73. Хазанов А.М. Военная демократия и эпоха классообразования. — Вопросы истории. 1968, № 12.
74. Хазанов А.М. Разложение первобытно-общинного строя и формирование классового общества. — Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.
75. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы. — Исследования по общей этнографии. М., 1979.
76. Хмелинский В.М. О понятии «военная демократия». — Советская этнография. 1973, № 4.
77. Шнирельман В.А. Проблемы доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

78. Шнирельман В. А. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам). — Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
79. Штаерман Е.М. Античное общество: модернизация истории и исторические аналогии. — Проблемы истории докапиталистических" обществ. М., 1968.
80. Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.
81. Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin and London, 1975.
82. Adams R. Man, Energy, and Anthropology: I Can Feel the Heat, But Where's the Light? — American Anthropology. N.Y., 1978, vol. 80, № 2.
83. Binford L. Mortuary Practice: Their Study and Their Potential. — Mem. of the Soc. for American Archaeology. 1971, № 25.
84. Bradley R. The Social Foundation of Prehistoric Britain. L., 1984.
85. Carneiro R. On the Relationship between Size of Population and Complexity of Social Organization. — Southwestern Journal of Anthropology. Albuquerque, 1967, vol. 23.
86. Carneiro R. A Theory of the Origin on the State. — Science, N.Y., 1970, № 169 (3947).
87. Carneiro R. Political Expansion As an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. — Origin of the State. Philadelphia, 1978.
88. Carneiro R. The Chiefdom As Precursor of the State. — The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981.
89. Carneiro R. Cross-Currents in the Theory of State Formation. — American Ethnologist. Wash., 1987, vol. 14.
90. Carneiro R. Chiefdom-Level Warfare as Exemplified in Fiji and the Causa Valley. — The Anthropology of War. Cambridge, 1990.
91. Champan R. Autonomy, Ranking and Resources in Iberian Prehistory. — Ranking, Resource and Exchange: Aspects of the Archaeology of Early European Society. Cambridge, 1982.
92. Chiefdoms in the Americas. L., 1987.
93. Coe M. Photogrammetry and the Ecology of Olmec Civilization. — Aerial Photography in Anthropology. Cambridge, 1974.
94. Claessen H.J.M. The Early State: A Structural Approach. — The Early State. The Hague, etc., 1978.
95. Claessen H.J.M. The Internal Dynamics of the Early State. — Current Anthropology. Chicago, 1984, vol. 25, № 4.
96. Claessen H.J.M. Kingship in the Early State. — Bijdragen Tot de Taal-LandEn Volkenkunde. D. 142, 1986, Af. 1.
97. Claessen H.J.M. State and Economy in Polynesia. — Early State Economics. New Brunswick and London, 1991.
98. Claessen H.J.M., Skalnic P. The Early State: Theories and Hypotheses. — The Early State. The Hague, etc., 1978.
99. Claessen H.J.M., Skalnik P. Ubi Sumus? The Study of the State Conference in Retrospect. — The Study of the State. The Hague, etc., 1981.
100. Clark D. Spatial Information in Archaeology. — Spatial Archaeology. L., 1977.
101. Cohen R. State Foundation: A Controlled Comparison. — The Origin of the State. Philadelphia, 1978.

102. *Cohen R.* State Origins: A Reappraisal. — The Early State. The Hague, etc., 1978.
103. *Cohen R.* Evolution, Fission and the Early State. — The Study of the State. The Hague, etc., 1981.
104. *Cordy R.* A Study of Prehistoric Social Change in the Hawaiian Islands. N.Y., 1981.
105. *Cordy R.* Relationships between the Extent of Social Stratification and Population in Micronesian Polities at European Contact. — American Anthropologist. 1986, vol. 88, № 1.
106. *Creamer W., Haas J.* Tribe Versus Chiefdom in Lower Central America. — American Antiquity. 1985, vol. 50.
107. *Cunliffe B.W.* Iron Age Communities in Britain. L., 1978.
108. *D'Altory T., Earle T.* Staple Finance, Wealth Finance, and Storage in the Inca Political Economy. — Current Anthropology. 1985, vol.26, № 1.
109. *Drennan R.D.* Regional Archaeology in the Valle de la Plata, Colombia. — Museum of Anthropology. University of Michigan Research and Report on Archaeology. 1985, vol. 11.
110. *Drennan R.D.* Regional Demography in Chiefdoms. — Chiefdoms in the Americas. L., 1987.
111. *Drennan R.D., Jaramillo L.S., Ramos E., Sanchez C.A., Ramirez M.A., Uribe C.A.* Regional Dynamics of Chiefdoms in the Valle de La Plata, Colombia. — Journal of Field Archaeology. 1991, vol. 18, № 3.
112. *Drucker P.* On the Nature of the Olmec Polity. — The Olmec and Their Neighbors. Wash., 1981.
113. *Drucker P.* Ecology and Political Organization on the Northwest Coast of America. — 1979 Proc. American Ethnological Society. Seattle, 1983.
114. *Dunnell R.* Evolutionary Theory and Archaeology. — Advanced Archaeological Method and Theory. 1980, vol. 3.
115. *Earle T.* A reappraisal of Redistribution: Complex Hawaiian Chiefdoms. — Exchange Systems in Prehistory. N.Y., 1977.
116. *Earle T.* Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: the Halelea District, Kauai, Hawaii. Ann Arbor, 1978.
117. *Earle T.* Prehistoric Irrigation in the Hawaiian Islands: An Evaluation of Evolutionary Significance. — Archaeology and Psychological Anthropology of Oceania. 1980, vol.4. 15.
118. *Earle T.* The Ecology and Politics of Primitive Valuables. — Culture and Ecology: Eclectic Perspectives. Wash., 1982. (American Anthropol. Assoc. Spec. Publ., vol. 15).
119. *Earle T.* Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. — Annual Review of Anthropology. 1987, vol. 16.
120. *Earle T.* Specialization and the Production of Wealth: Hawaiian Chiefdoms and the Inca Empire. — Specialization, Exchange, and Complex Societies. Cambridge, 1987.
121. *Earle T.* The Evolution of Chiefdoms. — Current Anthropology. 1989, vol. 30, № 1.
122. *Earle T., D'Altory T.* Storage Facilities and State Finance in the Upper Mantaro Valley, Peru. — Contexts for Prehistoric Exchange. N.Y., 1982.
123. Die Entstehung von Sozialen Schichten und Volksbewegungen. — Militärische Demokratie. — Ethnogra. — Archaeol. Z., Jg. 25, 1984, H. 3.

124. *Erasmus C.J.* Monument Building: Some Field Experiments. — *Southwestern Journal of Anthropology*. 1965, vol. 21.
125. *Feinmari G., Neitzel J.* Too Many Types: an Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas. — *Advanced Archaeological Method and Theory*. 1984, vol. 7.
126. *Flannery K.* Archaeological Systems Theory and Early Mesoamerica. — *Anthropological Archaeology in the Americas*. Wash., 1968.
127. *Flannery K.* The Olmec and the Valley of Oaxaca: A Model for Interregional Interaction in Formative Times. — *Dumbarton Oaks Conference in the Olmec*. Wash., 1968.
128. *Flannery K.* Origins and Ecological Effects of Early Domestication in Iran and the Near East. — *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. Chicago, 1969.
129. *Flannery K.* The Cultural Evolution of Civilization. — *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1972, vol. 3.
130. *Frankenstein S., Rowlands M.J.* The Internal Structure and Regional Context of Early Iron Age Society in South-Western Germany. — *Bulletin. Institute of Archaeology*. 1978, vol. 15.
131. *Freid M.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967.
132. *Fried M.* Tribe to State or State to Tribe in Ancient China? — *The Origins of Chinese Civilization*. Berkeley etc., 1983.
133. *Friedman J.* Notes on Structure and History in Oceania. — *Folk*. 1981, vol. 23.
134. *Friedman J., Rowlands M.J.* Notes towards an Epigenetic Model of «Civilization». — *The Evolution of Social Systems*. L., 1977.
135. *Gibson J.L.* Poverty Point: The First North American Chiefdom. — *Archaeology*. 1974, vol. 27, № 2.
136. *Gailey C.* The State of the State in Anthropology. — *Dialectical Anthropology*. 1985, vol. 9, № 1—4.
137. *Gailey C., Patterson T.* State Formation and Uneven Development. — *State and Society: The Emergence and Development of Social Hierarchy and Political Centralization*. L., 1988.
138. *Gilman A.* Unequal Development in Copper Age Iberia. — *Specialization, Exchange, and Complex Societies*. Cambridge, 1987.
139. *Gledhill J.* Introduction: The Comparative Analysis of Social and Political Transformations. — *State and Society: The Emergence and Development of Social Hierarchy and Political Centralization*. L., 1988.
140. *Goldman I.* Ancient Polynesian Society. Chicago, 1970.
141. *Goody J.* Technology, Tradition and the State in Africa., L., 1971.
142. *Green R.C.* Makaha before 1880 A.D.: Makaha Valley Historical Project. Report 5. — *Pacific Anthropological Researches*, 1980, vol. 31.
143. *Guhr G.* Militarische Demokratie. — *Jahrbuch. Museum Volkerkunde zu Leipzig*. B., 1985, Bd 36.
144. *Haas J.* The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982.
145. *Haas J.* Warfare and the Evolution of Tribal Polities in the Prehistoric Southwest. — *The Anthropology of War*. Cambridge, 1990.
146. *Hammond N.* The City in the Ancient World. Cambridge, 1972.
147. *Helms M.* Ancient Panama. Austin, 1979.

148. *Helms M.* Succession to High Office in Pre-Columbian Circum-Caribbean Chiefdoms. — *Man*. 1980, vol. 15, № 6.
149. *Herrman J.* Militarische Demokratie und die Übergangsperiode zur Klassengesellschaft. — *Ethnogra.* — *Archaeol. Z.*, Jg. 23, 1982, H. 1.
150. *Hines P.* On Social Organization in the Middle Mississippian: States or Chiefdom? — *Current Anthropology*. 1977, vol. 18, № 2.
151. *Hodder I., Orton C.* *Spatial Analysis in Archaeology*. N.Y., 1977.
152. *Jacobs J.* *The Economy of Cities*. N.Y., 1969.
153. *Johnson A.W., Earle T.* *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford (Cal.), 1987.
154. *Johnson G.* Information Sources and the Development of Decision Making Organizations. — *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating*. N.Y., 1978.
155. *Johnson G.* Organizational Structure and Scalar Stress. — *Theory and Explanation in Archaeology*. N.Y., 1982.
156. *Jungerberg R.* Women's Contribution to Taxation Effort in Chiefdoms and State. — *Research in Economic Anthropology*. Greenwich (Conn.), 1990, vol. 12
157. *Keegan W., Maclachlan M.* The Evolution of Avunculocal Chiefdoms: A Reconstruction of Taino Kinship and Politics. — *American Anthropologist*, 1989, vol. 91, № 3.
158. *Keegan W., Maclachlan M., Byrne B.* Social Foundations of Taino Chiefs (manuscript).
159. *Khazanov A.M.* *Nomads and the Outside World*. Cambridge, 1984.
160. *King T.* Don't That Beat the Band? Nonegalitarian Political Organization in Prehistoric Central California. — *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating*. N.Y., 1978.
161. *Kipp R.S., Schortman E.M.* The Political Impact of Trade in Chiefdoms. — *American Anthropologist*. 1989, vol. 91, № 2.
162. *Kirch P.* Valley Agricultural Systems in Prehistoric Hawaii: An Archaeological Consideration. — *Asian Perspective*. 1977, vol. 20.
163. *Kirch P.* *The Evolution of the Polynesian Chiefdoms*. Cambridge, 1984.
164. *Kirch P.* Monumental Architecture and Power in Polynesian Chiefdoms: A Comparison of Tonga and Hawaii. — *World Archaeology*. 1990, vol. 22, № 2.
165. *Kristiansen K.* The Formation of Tribal Systems in Later European Prehistory: Northern Europe 4000—500 B.C. — *Theory and Explanation in Archaeology*. N.Y., 1982.
166. *Kristiansen K.* Ideology and Material Culture: An Archaeological Perspective. — *Marxist Perspectives in Archaeology*. Cambridge, 1984.
167. *Kristiansen K.* From Stone to Bronze: The Evolution of Social Complexity in Northern Europe. 2300—1200 B.C. — *Specialization, Exchange, and Complex Societies*. Cambridge, 1987.
168. *Larson L. A.* Functional Consideration of Warfare in the Southeast During the Mississippian Period. — *American Antiquity*. 1972, vol. 37, № 2.
169. *Lighfoot K.G.* A Consideration of Complex Societies in the American Southwest. — *Chiefdoms in the Americas*. L., 1987.
170. *Linares O.* Ecology and the Arts in Ancient Panama: On the Development of Social Rank and Symbolism in the Central Provinces. — *Dumbarton Oaks Studies. Pre-Columbian Art Archaeology*. 1977, vol. 17.

171. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. N.Y., 1922.
172. *Malinowski B.* Coral Gardens and Their Magic. L., 1935.
173. *McGuire R.* Breaking Down Cultural Complexity: Inequality and Heterogeneity. — *Advanced Archaeological Method and Theory*. 1983, vol. 6.
174. *Michels J.* The Kaminaljuyu Chiefdom. College Park, 1979.
175. *Moore J.A., Keene A.S.* Archaeological Hammers and Theory. N.Y., 1983.
176. *Morse D.P., Morse P.A.* Archaeology of the Central Mississippi Valley. N.Y., 1983.
177. *Muller J.* Salt, Chert, and Shell: Mississippian Exchange and Economy. — *Specialization, Exchange, and Complex Societies*. Cambridge, 1987.
178. *Murdock G.* Social Structure. N.Y., 1949.
179. *Netting R.* Sacred Power and Centralization: Aspects of Political Adaptation in Africa. — *Population Growth: Anthropological Perspectives*. Cambridge, 1972.
180. *Noble W.C.* Tsouharissen's Chiefdom: An Early Historic 17th Century Neutral Iroquian Ranked Society. — *Canadian Journal of Archaeology*. 1985, vol. 9.
181. *O'Brein P.* Early State Economics: Cahokia, Capital of the Ramey State. — *Early State Economics*. New Brunswick and London, 1991.
182. *Patterson T.* Tribes, Chiefdoms and Kingdoms in the Inca Empire. — *Power Relations and State Formation*. Wash., 1987.
183. *Pearson R.* Lolang and the Rise of Korean State and Chiefdoms. — *Journal of the Hong Kong Archaeological Society*. 1979, vol. VII.
184. *Pearson R.* Chieftainship As an Evolutionary Stage in the Transition from Tribal to Feudal Society. — *The Making Quarterly*. 1987, vol. 28, № 2.
185. *Peebles C.S., Kus S.M.* Some Archaeological Correlates of Ranked Society. — *American Antiquity*. 1977, vol. 42.
186. *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change*. Cambridge, 1986.
187. *Plog F., Upham S.* The Analysis of Prehistoric Political Organization. — *1979 Proceedings of American Ethnological Society*. Seattle, 1983.
188. *Pozorski T.* The Early Horizon Site of Huaca de los Reyes: Societal Implications. — *American Antiquity*. 1980, vol. 45, № 1.
189. *Prentice G.* Cottage Industries: Concept and Implications. — *Midcont. Journal of Archaeology*. 1983, vol. 8.
190. *Price B.* Secondary State Formation: An Explanatory Model. — *Origin of the State*. Philadelphia, 1978.
191. *Price B.* Competition, Productive Intensification, and Ranked Society: Speculations from Evolutionary Theory. — *Warfare, Culture, and Environment*. Orlando, 1984.
192. *Ranking, Resource and Exchange: Aspects of the Archaeology of Earlier European Society*. Cambridge, 1982.
193. *Ransborg K.* Social Stratification in Early Bronze Age Denmark: A Study in the Regulation of Cultural Systems. — *Prehistorische Zeitschrift*. 1974, Bd 49.
194. *Redmon E., Spencer C.* Chiefdom and State in Formative Oaxaca. — *Journal of the Steward Anthropological Society*. 1982, vol. 13, № 1.
195. *Renfrew C.* The Emergence of Civilization: The Cyclades and Aegean in the Third Millennium B.C. L., 1972.
196. *Renfrew C.* Monument, Mobilization and Social Organization in Neolithic Wessex. — *The Explanation of Culture Change*. L., 1973.

197. *Renfrew C.* Beyond a Subsistence Economy, the Evolution of Social Organization in Pre-historic Europe. — Reconstructing Complex Societies. Cambridge, 1974. (Bulletin of the American Schools of Oriental Researches, vol. 20).
198. *Renfrew C.* Megalithes, Territories and Populations. — Acculturation and Continuity in Atlantic Europe. Bruges, 1976.
199. *Rice P.* Evolution of Specialization Pottery Production: A Trial Model. — Current Anthropology. 1981, vol. 26, № 1.
200. *Roosefelt A.* Parmana: Prehistoric Maize and Manioc Subsistence Along the Amazon and Orinoko. N.Y., 1980.
201. *Rosman A., Rubel P.* Dual Organization and Its Development Potential in Two Contracting Environments. — The Attraction of Opposites. Ann Arbor; 1989.
202. *Rowlands N.J.* Kinship, Alliance and Exchange in the European Bronze Age. — Settlement and Society in British Later Bronze Age. [B.M.], 1980 (British Archaeological Reports, vol. 83).
203. *Sahlins M.* Social Stratification in Polynesia. Seattle, 1958.
204. *Sahlins M.* Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.
205. *Sanders W.* Chiefdom to State: Political Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala. — Reconstructing Complex Societies. Cambridge, 1974. (Bulletin of the American Schools of Oriental Researches, vol. 20).
206. *Sanders W., Webster D.* Unilineality, Multilineality, and the Evolution of Complex Societies. — Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating. N.Y., 1978.
207. *Schaedel R.* The Transition from Chiefdom to State in Northern Peru. — Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization. South Hadley, 1985.
208. *Sherratt A.* The Genesis of Megalithes: Monumentality, Ethnicity and Social Complexity in Neolithic North-West Europe. — World Archaeology. 1990, vol. 22, № 2.
209. *Seaton S.L.* The Early State in Hawaii. — The Early State. The Hague, etc., 1978.
210. *Service E.* Primitive Social Organization. N.Y., 1962.
211. *Service E.* Profiles in Ethnology. N.Y., 1963.
212. *Service E.* Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.
213. *Service E.* Classical and Modern Theories of the Origins of Government. — Origin of the State. Philadelphia, 1978.
214. *Sherman S.* Exchange and Ranking: The Role of Amber in the Earlier Bronze Age of Europe. — Ranking, Resource and Exchange: Aspects of the Archaeology of Early European Society. Cambridge, 1982.
215. *Sjoberg G.* The Preindustrial City. N.Y., 1960.
216. *Slamet—Velsink I.* Emerging Hierarchies: Processes of Stratification and Early State Formation in the Indonesian Archipelago: Prehistory and the Ethnographic Present. Leiden, 1986.
217. *Snarskis M.* The Archaeological Evidence for Chiefdoms in Eastern and Central Costa Rica. — Chiefdoms in the Americas. L., 1987.
218. *Southall A.* The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production. — Early State Economics. New Brunswick and London, 1991.
219. Specialization, Exchange, and Complex Societies. Cambridge, 1987.

220. *Spencer C.* Rethinking the Chieftdom. — Chieftdoms in the Americas. L., 1987.
221. *Spencer C.* On the Tempo and Mode of State Formation: Neoevolutionism Reconsidered. — *Journal of Anthropological Archaeology*. 1990, vol. 9, № 1.
222. *Steponatis V.* Locational Theory and Complex Chieftdoms; A Mississippian Example. — *Mississippian Settlement Pattern*. N.Y., 1978.
223. *Steward J., Faron L.* Native Peoples of South America. N.Y., 1959.
224. *Sutton D.* Organization and Ontology. The Origins of the Northern Maori Chieftdom, New Zealand. — *Man*, 1990, vol. 25, № 4.
225. *Tainter J.* The Social Correlates of Mortuary Patterning at Koloko, North Kona, Hawaii. — *Archaeology and Physiological Anthropology of Pacific*. 1973, vol. 8.
226. *Tainter J., Cordy R.* An Archaeological Analysis of Social Ranking and Residence Groups in Prehistoric Hawaii. — *World Archaeology*. 1977, vol. 9.
227. *Tollefson K.* The Snogualmie: A Puget Sound Chieftdom. — *Ethnology*. 1987, vol. 26, № 2.
228. *Townsend J.* The Autonomous Village and the Development of Chieftdoms. — *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, 1985.
229. *Trigger B.* Determinations of Urban Growth in pre-Industrial Societies. — *Man. Settlement. Urbanism*. L., 1972.
230. *Trigger B.* Monumental Architecture — A Themodynamic Explanation of Symbolic Behavior. — *World Archaeology*. 1990, vol. 22, № 2.
231. *Underhill A.* Pottery Production in Chieftdom — The Longshan Period in Northern China. — *World Archaeology*. 1991, vol. 23, № 1.
232. *Upham S.* Politics and Power. N.Y., 1982.
233. *Van Bacel M.* The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared. — *Early State Economics*. New Brunswick and London, 1991.
234. *Wenke R.* Explaining the Evolution of Cultural Complexity: A Review. — *Advanced Archaeological Method and Theory*, 1981, vol. 4.
235. *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. N.Y., 1957.
236. *Wright H.* Recent Research on the Origin of the State. — *Annual Review of Anthropology*. 1977, vol. 6.
237. *Wright H.* Prestate Political Formations. — *On the Evolution of Complex Societies*. Malibu, 1984.
238. *Wright H., Johnson G.* Population, Exchange and Early State Formation in Southwestern Iran. — *American Anthropologist*. 1975, vol. 77, № 2.
239. *Yerkes R.W.* Licks, Pans, and Chiefs: A Comment on Mississippian Craft Specialization and Salt. — *American Antiquity*. 1986, vol. 51.
240. *Zwelebil M.* Iron Age Transformation in Northwestern Russia and the Northern Baltic. — *Beyond Domestication in Prehistoric Europe*. Orlando, 1985.